

№ 7 АПРЕЛЬ 1967 ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ОКТЯБРЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

смена

ОТ ИМЕНИ РЕВОЛЮЦИИ

«Из мирных средств борьбы против ига международного финансового капитала, против международной реакции нет другого средства, которое бы так быстро и так верно обещало победу, как помощь восстановлению народного хозяйства Советской России».

В. И. Ленин

Лето 1922 года на исходе. Советская республика расправляет плечи после жесточайшего неурожая 1921 года.

Все ждут возвращения к работе тяжело болевшего В. И. Ленина. 1 октября Владимир Ильин должен был приехать в Москву. А пока, отдохнув в Горках, пристально следил за жизнью страны.

26 сентября крестьянская газета «Беднота» на первой странице опубликовала подборку материалов о том, что в деревне Ильинка работают по его образцу... Владимир Ильин пишет — писала газета — американских товарищей, привезших в Пермскую губернию 20 тракторов для показа тракторной обработки земли, и пермским крестьянам, в кратчайший срок исправившим дороги для перевозки прекрасных американских тракторов на место назначения.

Как же попали американские рабочие в глухой угол Средней Европы? История их появления заслуживает подробного рассказа; она тесно связана с именем молодого американского коммуниста Гарольда Вэрса.

Взор восторженно приветствовал Октябрьскую революцию. С момента образования Компартии Америки стал ее активным членом. В конце 1920 года Гарольд Вэрсоказал первую услугу Советской республике. Партия поручила ему изучить положение крестьянства и рабочих-иммигрантов рабочих. Американские товарищи выпилили просьбу Ленина, которую эти данные были необходимы для работы.

Небогатый фермер Г. Вэр, оставив свое хозяйство, всего с пятью долярами в кармане отправился путешествовать по стране в качестве сезонального сельскохозяйственного рабочего. Он подготавливал для В. И. Ленина обстоятельный доклад об особенностях труда многочисленной армии американских рабочих.

Спустя год Гарольд Вэр, под никоном «Дружой Советской России» (так называли одно из американских обществ помощи Республике Советов) организовал, оснастил и отправил в Россию тракторный отряд. (Прежде помочь обществу советскому народу заключалось в сборе денег, продовольствия, медикаментов, одеял для отправки в неурожайные районы России.) По его замыслу, американцы должны были создать опытное хозяйство, обучить местных крестьян и вспомогательных рабочих, наивысшее производство в духе Советской республики.

Г. Вэр подобрал для поездки опытных людей. На 60—70 тысяч долларов, собранных «Дружой Советской России», купили тракторы с запасными частями, автомобили, семена канадской ржи, оборудование для ремонты мастерских, небольшую электростанцию, плавки, походную кухню, киноаппаратуру.

2 июля 1922 года американский тракторный отряд во главе с Гарольдом Вэрсом начал выгрузку машин в Бердске, Пермской губернии. Дальше его путь лежал к селу «Тобольск». «Прибытие тракторов» — писала губернская газета «Звезда» — произвело на крестьян ошеломляющее впечатление. Та же газета следующим образом передавала речь американцев на одном из митингов: «Мы — рабочие Америки — видим,

что вы, строя царство труда, нуждаетесь в поддержке вашего сельского хозяйства и промышленности, — мы простигаем вам руку помощи. Будни отряда были трудными: с утра до позднего вечера учились в поле машины, работали и ночью, при свете фонарей.

«Нынешней весной в Америке», — рассказывал один из рабочих, — мы привозили в забастовки шахтеров, траболовали сокращение рабочего дня с восьми до шести часов. Здесь же я по собственной воле работало по 14 часов в день — восьмь плюс еще шесть часов».

Свою задачу тракторный отряд видел не только в расчистке заброшенных земель, но главным образом в пропаганде новых методов землеустройства крестьян. Поэтому Гарольд Вэр обратился к всем крестьянам деревень с просьбой присыпалась из ума молодежи. За осенний сезон (до возвращения отряда в Америку) он предложил обучить детей скопии.

«Крестьянин, раз научившийся управлять трактором, никогда уже не будет удовлетворен своим лошадьми. Он становится центром пропаганды среди своих сельчан за более крупные крестьянские хозяйства, в которых будет работать более хороший труд», — писал Г. Вэр в газете «Известия».

25 августа 1922 года Известия ВЦИКа поместили интервью с Христой Вэр — женой Гарольда. Это первое сообщение центральной газеты об успешном начале работы американского тракторного отряда не прошло мимо внимания В. И. Ленина. Владимир Ильин распорядился обратить на отряд «сугубое внимание», проверить сообщение газеты на «весьма правду, подтвердить в влечении к нему, что, видимо, деловой пример, деловая помощь...»

25 сентября президент Пермского губисполкома направил в Совнарком доклад об исследовании положения отряда. Губисполком подтвердил газетное сообщение и подробно обрисовал деятельность отряда, с похвалой отозвался о качестве обработки земли американскими тракторами.

Еще раньше Владимир Ильин поручил заместителю управляющего делами Совнаркома В. А. Смольникову подготовить проект письма американскому обществу «Дружой Советской России». Каждое свое обращение к зарубежным трудящимся В. И. Ленин рассматривал как серьезный государственный акт и поэтому всегда стремился тщательно представить обсуздить там документы, подавать в ЦК партии и правительству, авторитетным специалистам. Письмо в Америку подверглось по его настоянию подробному рассмотрению. 20 октября В. И. Ленин подписал английский текст письма, и оно было передано в Америку по радиотелеграфу, а потом переслано в подлиннике.

Дорогие товарищи!

Я только что прочитал специальные оторваны Пермским губисполкомом тече чрезвычайно благоприятные сведения, которые были опубликованы в наших газетах, относительно работы членов вашего Общества, во главе с Гарольдом Вэрсом, с тракторным отрядом Пермской губернии на совхозе (советском хозяйстве) «Тобольск».

Крестьяне внимательно наблюдают за тем, как их американские друзья обрабатывают землю.

Несмотря на гигантские трудности, в особенности ввиду крайней отдаленности от центра указанного места работы, а также ввиду разгрома Колчаком во время гражданской войны, вы достали успехов, которые следуют признать совершенными исклонительными.

Страна разлагает вам свою глубокую признательность, с просьбой спасибо сказать в оценке вашего Общества, а также, если возможно, в общем прессе Северо-Американских Соединенных Штатов.

Я вхожу с ходатайством в Президиум ВЦИКа о признании этого советского хозяйствства образцовым и о оказании ему специальной и экстраординарной помощи как в виде материальных и денежных работ, так и в снабжении бензина, металлом и др. материалами, необходимыми для организации ремонтной мастерской.

Еще раз выражая вам от имени нашей Республики глубокую благодарность и прошу иметь в виду, что ни один вид помощи не является для нас столь своеобразным и столь важным, как оказанный вами.

Председатель Совета Народных Комиссаров
Ленин.

Через несколько дней, 24 октября, специальная коммиссия в Президиум ВЦИК В. И. Ленин, и обещав ходатайствовать о признании образца первым и модельным для других, организованных зарубежными трудящимися в Советской стране. Приняв предложение В. И. Ленина, Президиум ВЦИК постановил 9 ноября 1922 года: «Признать пермское и другие наиболее выдающиеся хозяйства, руководимые артелью американского Общества технической помощи Советской России, образцовыми».

Г. Вэр подчеркивал особенность работы иногородних тружеников Советской страны. Помимо воспитывания народного коллектива Родины, они обогащались революционным опытом, на практике убеждались в неограниченных возможностях труда свободных от эксплуатации людей. По словам Г. Вэрса, русские рабочие, самоотверженно трудившиеся в тяжелых условиях, «открыли американским рабочим секрет своего успеха во времена революции». Не имея общего языка, мы достигли действительного духовного единения в Тобольске.

Тракторный отряд во главе с Гарольдом Вэрсом прибыл в Советскую Россию в период голода и разрухи. Горстка энтузиастов, верных друзей молодой республики, пришла ей на помощь в самое тяжелое время. Это был первый успешный опыт «Дружьи Советской России» в оказании производственной помощи нашей стране. Обదоренное теплой благодарностью В. И. Ленин, общество «Дружьи Советской России» получило девизом «Пущи или тракторы». Этим познанию передовая Америка противопоставила свою кампанию помощи Советской стране официальному курсу империалистических государств.

Г. Тарле

Инженер

Валерий

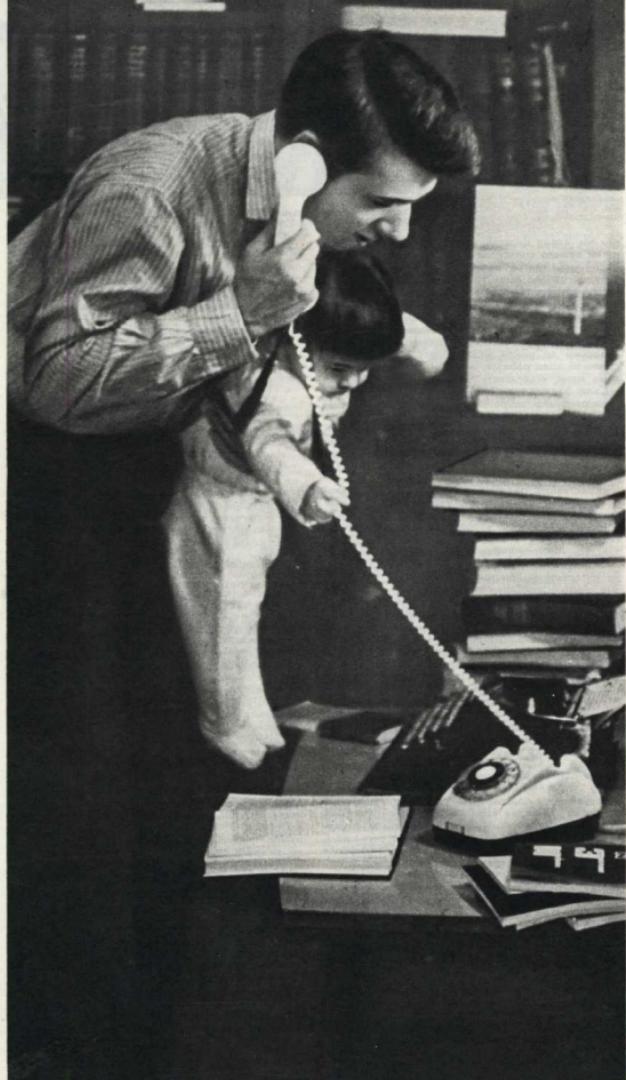
ШЛЕПАКОВ: Скажите, пожа-
луйста, няня уже вышла?
Очень ждем ее...

Диспетчер

фирмы

Елена

ДАВЫДОВА: Наряд выпи-
сан, няня в пути, «Сви-
танок» просит вас не
волноваться.

90 тысяч услуг

Человека в Киеве попали в кап-
кан обстоятельств: бабушка сломала
ногу во время гололеда, и сразу же
кому стало присматривать за драж-
кой. Женщину заскочили в гипс на месяц... И
тогда она вспомнила, что списала еще летом
с какой-то рекламы телефон фирмы «Сви-
танок». Удачный случай. Лучшего выхода
не было, и пострадавшая из Музейного пере-
улка сняла трубку...

Мы сидим в чисто прибранный квартире до-
ма номер 8 этого самого переулка, куда на-
гравнули неожиданно, и наблюдаем за проис-
ходящим. Симпатичная девушка, успевшая на-
короткую бабушку и пребывающую в гипсе, пытается
упаковать, а убираясь, что она снит, сты-
рает в ванной изуреченные белье. Когда с де-
вятыми покончено, девушка вытаскивает тетра-
ди, учебники, раскладывает на столе: вече-
ром в школу. Галия Чудопал — одна из нянь —

служащих фирмы «Святанко». Сейчас она кончала школу, собираясь поступать в институт. На станции ходили утверждения, будто одни любовь и детям заставила Галию пойти в науки. Нет, фирма предоставила своей ногородской служащей общешкольные, возможность работать только в удобное время и только посильное количество часов... Но об этом позже.

Кавказская женщина не позывает киваление, которая в любой момент может вызвать на даме ненависть. Не ту драматическую, районную, которая сама устанавливается в вашем доме финансовой и иную дисциплину, а квалифицированную, добросовестную, корректную служащую, являющуюся к вам с нарядом в руках: так, рабочий идет в станку, строитель — на площадку. Среди этих изын немало студентов: С. Юрий Беленик, который занимается в институте иностранных языков, М. Носова — выпускница педагогической школы. Но если и нет у некоторых изын специального уклада, — не беда, все они обязательные участники семинаров по методике и педагогике, организованных фирмой. Вообщем филиал «Святанко», этого мощного комбината добрых и разносторонних услуг, расположенного в Киеве на улице Пушкинской коммунальной, 8, напоминает большую учительскую. Слышится «зарубежная» речь преподавателя иностранного языка. Учителя музыки толкуют, не отходя от рояля. Одним дежурным у телефона принимает заказы на консультантов для студентов, репетиторов для школьников... Другого дежурного звать делами более прозаичными: высыпает по адресам изын, сиделок, врачей, уборщиц. В год фирма оказывает более 90 тысяч услуг.

Мы жили в гостинице «Москва», когда там произошли несчастья: с одним из командированных случился инфаркт. Позвонили в «Святанко» чуть не за два часа до отъезда больного в Москву: немедленно на место привезли машины. Бальнеологическая мастерская разового ухода фирмы, поставила на ноги все и вся, как будто отправляла в тревожное путешествие своего брата или сына. Доброта, отзывчивость? Да, конечно, это и личные качества Беленик, но еще и рабочий стиль фирмы.

Фирма «Святанко» является образцом, увы, по-крайней мере, для насечных предприятий мира. Если кому-то приходится скрывать отправить ребенка в дальний путь одного, то достаточно дать сигнал фирме, и ребенок встретят, ему купят еду, билет, усадят в вагон и поручат заботам проводника.

Если какой-то человек болен, некому взять для него лекарство, надо только набрать номер телефона, и в течение нескольких минут в вашем отделении письма «Святанко» Клавдия Ефимовны Скорецкой мы видели ворота письма, среди которых нет ни одного, на которое фирма не ответила бы, даже если это письма, как говорится, не по профилю. Например, спрашивает девушки о том, как ей выбирать к лицу прическу, или же жене жалуется на плохое отношение мужа. Пожалуй, киевляне повернили вспять часы своего фирмы и ждут от нее сварзугу.

Что это в конце концов за дворец чудес, где могут все: вручить вам подарок от человека, который сейчас, допустим, на Северном полюсе присыпать по вашему желанию Деда Мороза с мешком подарков на Новый год, волшебника и весельчака, который точно знает, что маленьку Пуговку надо отыскать получувши ее в подарок. Либо же драгоценную бриллиантина, а братику Коле — не кусаться и не ругаться (это же записано в наряде Деда Мороза)? Что это за сказочные комбинации, такие, где к вашим услугам машинистки, переводчики, портники, полотеры, мебельщики, фотографы, плотники, сапожники, готовые выполнить ваши пожелания — самые маленькие сроки? Если сразу решите одежду, там же ее делают тут же, при вас. Если хотите вообще подновить свой гардероб, не произведя затрат на покупку нового платья, можете пригласить мастерницу на дом — она перевешает и переделает все ваши платья по моде. Может быть, вы решили с понедельника учиться на скрипке? Извольте... Или же поручить все ваши забоям выскакивающим консерваториям. Хотите научиться говорить на английском, французском, немецком? Вам нужно только сообщить свой адрес и удобные для вас часы занятий. Все

«факт, а не реклама». И факт тем более отрадный, что десятки юношей и девушек, служащих «Свитанка», не только не стыдятся своей работы, но выдерживают своеобразный конкурс и, попав в фирму, гордятся этим. Мы лично были свидетелями того, с какими скромностью приводят на рабочее место фотографии молодого человека с 8-классным образованием. Директор фирмы Зиновий Григорьевич выговаривала парню:

— Берем с условием, что станешь дальше учиться. Что? Зачем полтору образования? Да ведь ты не только с мастиком дело иметь будешь — с людьми! От имени фирмы...

Зиновий Григорьевич — это глава фирмы, разумеется, не одна поднимала на ноги огромное дело, из крохотного бюро уступ в коллективе в 12 человек вырос гигант сервиса, в распоряжении которого сотни людей, а объем работ в рублях вырос почти в 20 раз. Но Зиновий Григорьевич был и остается человеком, который нужен любому взысканию предпринимателю: образован, обладает способностью к общению, смекой.

Так же качества она имеет, можно сказать, требует от руководителей участков «Свитанка». В фирме царит атмосфера отзывчивости, инициативы, творчества. Это коллектива квалифицированных мастеров, специалистов, фирменным достоинством которых являются добросовестность и корректность. Но как добиться добросовестных работников, да еще быстр?

Зиновий Григорьевич дает нам интервью в центральной усадьбе фирмы — красавицей современным зданием:

— Деловые люди, какими считаем себя мы, видят свою службу не как серию ушибов и манипуляций, вкликанных словами, а как организацию, при которой бытовые услуги стали бы доступны каждому. И в смысле времени и в смысле качества. И в смысле де-

нег... Самый распространенный остается пока нужда в уборщице, сиделке и нянечке. И мы решались на то, чтобы запланировать этот вид услуг в убыточной фирме: все, что наши уборщицы, сиделки и няньки получают по зарплате, и составляет их доход, — это, бывает либо отчисление в пользу «Свитанка». Более того, никак мы еще доплачиваем по пять копеек в час — лишь бы их становились в фирме больше... Ничего: убыточность будет перекрыта другими видами услуг, а пользу для населения трудно переоценить. Взять за правило: если в фирму обратится хотя бы один человек, он обязательно приведет к себе, который входит в акционеры «Свитанка» — срочно звать ее. Бык интересует, отчего так «клипнить» к нам молодежь? Да это естественно: мы позволяем своим служащим совместительство. И молодые люди прекрасно успевают заниматься и работать, потому что они сами назначают себе удобные для работы дни и часы, ставят фирму в известность о своем. Конечно, в фирме существуют (этот же фраза услуг) курсы для подготовки в вузах и техникумах. Наши служащие широко пользуются ими. Филиппин Пожалуйста: Артеменко, Байтман, Обединко, например, занимаются. Да не просто, а на курсах подготовки в республиканской техникуме бытового обслуживания... Стала, увидела, слухобок, теперь находит время. Но если и студенты университета, института, консерватории. Отчего бы им не работать, если к нам очно идут на совместительство преподаватели школ и вузов, классные рабочие и мастера? Мы из 700 городов принимаем заявки: кого-то встретить, проводить, купить подарок, доставить лекарство, даже разыскать адрес нужного клиенту человека... Да мало ли что!

...Мы побывали в частных домах, где слу-

жащие фирмы натирают паркет, вставляют стекла или нянчат детей, готовят свадебный стол или ухаживают за больными. И это — самое обычное для высококвалифицированных инженеров «Свитанка», регулярно контролирующих служащих и проходящих по их «следам». Мы смотрели детские домашние спектакли на английском языке, устраиваемые педагогами «Свитанка», и читали годовые отчеты методической комиссии фирмы о результатах занятий иностранными языками и музыкой.

Итак, в чем же фирменный секрет «Свитанка»? В умении найти экономическую опору? Да, конечно, служба устроена условно-рабочей. Есть и это. Создать атмосферу творчества, а не долечиста! Конечно. Тут и способность оперативно, гибко применяться к спросу. Тут и умение считать: фирма не просто опровергает себя, она доходит. И, наконец, понимание психологии, интересов молодежи, сознательного и целесустребленного желания «зазеваться». И это сквозь Ленинградские ворота выпущено в мир. Но если говорить о работе, агенты фирмы работают везде, в школах, парках и даже на днепровском пляже... зовут ребят съезжать судью с обслуживанием, раздают проспекты, адреса, телефоны. Фирма создана для живых людей, потребности которых ежеминно посыпают сигналы с своего рода «Свитанка». Кто в них работает, кто в них откладывается. В Китае есть на аналогичных городов ездят за олиством, «Свитанок» и тут верен себе — от души оказывает все одну добрую услугу: открывает все свои секреты — пусть каждый город увидит свой «Свитанок», свой «Рассвет».

Э. ЧЕРЕПАХОВА,

С. ПЕТРУХИН (фото),

специальные корреспонденты «Смены»

КОРОТЫШ

РАССКАЗ

Свяжло нас одной вверевочкой лет пятнадцать назад. И смешно — в столовой. Да и вообще всякое разное между нами почему-то всегда крепко держалось, терпело.

— Я только что вернулся из экспедиции и первым делом наявился на городской еду.

Помню, будто сегодня все случилось, вхожу я в столовую. Сел, оглядываясь — портдочек! Сидят официанты в белых фартуках, обслуживают. Несет мне одна глазастая выводок тарелок на подносах. В одной — борщ, в другой — котлеты, на третьей — огурчики соленые, тонко нарезанные ножиком. Культураль!.. А по-нашему, по-тавяному, може быть все это вместе свалить, поскольку в животе все равно смешается.

Тарелка с огурчиками кусок лица без углашка, без пригора и желудок мой затрепетал радостно... зовут! Оборачиваюсь к Коротышу. Сидит за соседним столиком, Головой кивает. И началось обычное:

— Ты Ох, ты Откуда Где Куда?

Разговаривая с Коротышом уважительно, как с лицом командно-технического персонала, и с тоской думают о стынившей жратве.

Коротыш сидит, утвердившись локтями на столике. Покам, слева и справа, детки-коротышки.

Все умничают блинчи со сметаной.

Коротыш (Сергей Иванович Бонин, топограф) смотрит на меня замаскированными глазками и засовывает в рот очередной блин.

Говорят:

— Блики здесь хороши... Чав-чав-чав... Очень хороши... Чав-чав... Пухловатые, рыхленькие. А борщи — ни к чёрту! Перевод продуктов. Я бы повара сварил в борще... Вот было бы навару.

— Сережка — айкуна жена-коротышка.

— Да, да, да! — говорит Коротыш и спрашивает меня:

— С чего сдашь местной?

— Но знаю, Сергей Иванович! Поеху, с кем пошлют. До весны далеко, мало ли что может случиться...

— Едем со мной! — предлагают Коротыш. — Объект для работы мне дают из Нижней Тунгуски. Места — объездные, особенно у кого рот большой. Ади — вол — дикие олены, лоси, Ты когда-нибудь ед вареный олений язык? Нет! Это так вкусно, что и не выговоришь. Ай-ай, зна-чо не ел!

Коротыш упер в ладони свой бобрик и задумался о вкусных олених языках.

Разнообразен был наш путь с Коротышом к месту будущей работы. Самолетом, на оленях по талому, уже раскинувшимся снегу, а потом в лодке по весеннему разливу Нижней Тунгуски под гомом лягушек на север птичьих стах. Так мы добирались до северного поселка Тугончаны, откуда в конце мая, взяв союзных оленей, ушли мы с Коротышом в тайгу.

Задумают иногда бугалтеры и прочие счетные работники: в лесу-де живешь, съезжай вдогонку даниши. Но разве это лес! Лес — это когда брезени да сосновки. Тайга другая. Не люблю я тайгу, до сих пор не смысли. Есть в ней что-то черное, подлов. Если споткнусь, упад — вдруг. Тавянный закон, думают: бей упавшего наполовину, — по-нашуму, говорят Коротыш, это называется выкидыванием самого приспособленного.

И вид у нее, чертовски, соответственный. По-моему, тайга хороша, только когда уходишь из нее, или сверху, с самолета... Глянешь в кильминтор — расстелилась на польске, облепила все зеленою пеной. Голова — вола, на холмах, на склонах, на вершинах, инос получавшись. Вокруг один цирюльник для лягушечек, мы...

Мок под ногами, мок над головой. Лишьники с деревьев смыкают зелеными позументами. За это их лещащая прежай скрывает.

Неделями, масляницами не можешь словом перекинуться со своим человеком, и начинают казаться, и мозги обшибели. И еще: лес ведь все-таки из деревьев состоит, а скажем, такой роскоши, как плавевые птицы, в тайге нет. Никто не заставит, не разольется в письне. Угромное место.

Когда, бывает, установишь, да вспомнишь дом, да расстанешься, одно утешение — вспомнишь дом. Идут из-под сосновки, из-под бересков, из-под ивовых извилистых изгородок, шагают таинственные монстры. И знаешь, что от тебя на востоке Вася Зобин, на западе — Потапов Иван Самойлович; знаешь, что на юге и что на севере. По фамилии знаешь, по опыту — все как на ладони. И они о тебе помнят. Тем и утешаешься.

Шли мы были на наша основная работа в ту пору. Впереди — Коротыш. Позади идут навьюченные олени, десять штук. Шагают, торопятся, хрустят копытами. Не знаю, как у них там приспособлено, но хруст даже якобы смытый снегом, охрипнутые огурцы, щукот. Сидят и удивляются, подняв многое пронзительное. Позади — коротыш на оленях на начальник зевки, хотя и звать его Василием и фамилии драматургической — Иванов. Он одет в красную рубаху, синие штаны. Сидит на оленей холке, болтает ногами, иногда покрикивает на оленей пронзительным голосом.

Но ели, да как! Коротыш похож на патрона «козловников», глядеть не на что, а брезентишко насквозь дырявят. Проняли он хозяйственников, и на-бралы мы самой лучшей жратвы. Взяли и перец и лавровый лист.

Стрелял Коротыш сам, не доверяя нам это ответственное дело. Пых-

тит у костра, шуршут ложкой в котле и в эти моменты со спины здорово посып на удрученного в лес жирного мальчишку.

На привале тоже не спас от зарубами, если поблизости есть хоть как-нибудь малосъедная речка. Василию дается более ответственное задание — подстричь глухарику грудь или рабичка. Потом усаживает нас есть. Подкладывает куски, шумит:

— Крепче ешь! Крепче! Желудок не терпит пустоты!

Друг от мии и начальнике, но скрою, едок первостепенный, обильственный, крепкий.

Да, крепки мы тогда ели. Даже вспомнил приятно. Масло на лепешки мостили вспаханные кусками. Вытирая ее с золы, пощелкаешь пальцами, горячую, сашинскую пельмень попробуешь — и попадешь в рай. И так...

Через три недели такого усердного пития у нас, кроме муми, осталось еще порядочно соли, был первец, была пачка лаврового листа и немножко чаго.

— Вот мы и докладились... говорю... — Что теперь есть будем?

— Рад продукты кончились, долине явиться дичи... Тавянский закон... — похождением Коротыша.

Да, крепко в голове было. В тот же день, под вечер, вились дичи. Сама, собственно, поздом. Все бы ее не было, этой проклятой дичи. Именно с того вечера у меня нервная крапивница глаза дергает. Теперь все разно, с радости или горя, а чуть что — и вот ходни, подрагивания и по-чеснаво. Выговарю, вкатят — мигаешь, в президентом выберут на собрании — сидишь и чешешься. Ужас!

А получимся все так. Мы перебирались через низенький, растекшийся, как серое тесто, крестьян, с зелеными пучками сосенок в удобных для их прозрачества местах. Коротыш шел впереди. Вдруг как гаркнет:

— Я тан и замер, а Коротыш решительно командует мне:

— Чего там стал! Ну-ка заходи справа, где не туда, не туда, ступай в другую сторону. Смотри, во-он за той сосной.

Гляжу и вижу: изза жаждыной сосенки высыпалась ложматая морда.

А над ней высится здоровенная горбата спина в густой черной шерсти. Кричит на начальник:

— Василий, ты заходи слева! Гони, гони его! А ты чего стоишь? — Это мне... Иди, приведи коня его меня! Берем его в клещи!

И лягушка загородила.

А дальше это лязгание громом отглушено. Но делать нечего (человек я исполнительный), иду. В голове муть, ноги дрожат. И мысли: зачем мне этот медведь?.. Зачем я буду брать медведя в клещи?.. А если он меня возьмет в клещи?.. От расстройства я впал в какое-то странное состояние. Иду как во сне и даже пошатываюсь. И ничего толком не вижу, поскольку все плынет в глазах.

Вдруг как проходит позора меня, я даже за дерево уцепился и не пойму, что это за дерево? медведя, попали. А спереди — перекрывание, и треск, и рев. Значит, все-таки в медведя. Снова грехнуло. И все стихло. Подходит Коротыш и хватает:

— Готов! Дважды выстремали уложил.

Тогда я присел в моих пальцах деревку дергающуюся венки.

— А ты смеял! — продолжает Коротыш. — До глупого. На медведя первая. На медведя!

Вот тут-то и начали и почесываться.

Кричали, кричали мы в тот вечер. На первое был суп. Сала — на палец. На второе запекли медведя ноги, целиком. Вот тогда-то медведь и понесся с нами. И крепко посыпался. Солоню нам пришло. Даже Василий не выдержал и сказал:

— Мой говорит: моя ишкина наружу просится.

Что значит хороший воздух и шагание по лесу: через день мы были свеженькие и веселые, как котята.

И опять жевали медведя.

— Ешьте! — шумел Коротыш. — Ешьте как следует: желудок не терпит пустоты.

Когда-то, — говорю, я, вытирая жирные пальцы о волосы (медвежий жир ми полез). — читал я что-то очень вроде, но сказанное не- сколько иначе и по другому случаю.

А сам гляжу на него пристально и даже с укором.

— Что же, — похващает Коротыш, обглядывая кость. — И до меня умытые люди жили.

Так и протекала наша таинская жизнь. Но все это — шагание, еда, олени и проклятые медведи, мудрость работой. Нет, наборот. В то немеханизированное время, в те дни первоначального хождения, работа проходила в промежутках бесконечного шагания.

— Наша боевая задача — точное определение высоких местностей, — говорили Коротыш, любивший по временам использовать крепкие военные термины.

Эта задача делилась в ту пору на две неравные части. Одну часть, наблюдения — делали здесь, в тайге, другие — расчеты — за тысячи километров отсюда, в городе, по добытым нами материалам.

Коротыш вооружился барометром и термометрами, я разводил ко-

стер и что-нибудь варя под непосредственным руководством начальника. Васильев сидел у костра, молчал и курил. Олеин с хриплыми искаженными голосами.

А Коротыш смотрит на приборы и пишет, что здесь, ма-такой-то вот высота (или глубина). И вдруг было такое-то вот давление воздуха в таком-то температуре в такой-то день такого-то месяца. В то же время по определенному расписанию метеостанции распыленные по всей Эвенкии диктаты топографов, бредущих, как мы, делают то же самое: меряют давление воздуха и его температуру и пишут.

И по особым расчетным формулам, сравнив все данные, можно было узнать высоту всех этих мест над уровнем моря.

Сейчас только смешно: кустарный метод. Но тогда очень даже пригодился. И тоинство его было на первых порах вполне достоверным. И удачным. А потом, когда вспомнили о том, что эти записи обрабатывались кем-то лягушками манером, и раз — высоты найдены.

Унылые люди эти топографы! Не зря половина из них головы похожа на эвенкийские столовые горы — по бокам щедрая растительность, а по вершине плоско и голо.

Обработали мы таким вот манером немалый кусок отведенного нам участка и пошли на другой, через реку.

Пустяковый на вид был это речка, но зарабатывала себе драмы имени, но злости столько, что даже в жар кидает. Бывало, гравии, сабоши, величиной с руку, не то чтобы в них на головного типа хватит. Так и эта речка. Не течет, драмы, как все прочие, а через голову по камням курицырые. Шум, грохот, брызги.

Но позят оленей в сумасшедшей воду, грудятся по-овечьи. Осторожный Васильев быстро отмежевался:

— Моя хочу, как олени хотят.

Ясно, что струсил. Вдруг утонут созвездные олени. Тогда мы взяли всю ответственность на себя. Делали по-всекому. Гнали сразу всех — не идут! Волокли пощупти — а я за веревку в Коротыша толкнул, упираясь об обнаженные ягодицы. Погнали, так смыли.

Оленей выплыла шквал, выплыла газель, и растоптыни ноги, ехал по гальке. Потом — сердечный приступ... Плонзну!

Поджималичины — глядили по мордам, чесали промеж ушей. Расплюхались, стягивали хворостинами. Ничего. Тогда мазнули на них рукой. Не хватят, так и не надо. Набили рюкзаки едой и инструментом, взяли ружья и пошли.

Коротыш обласкал Васильев, где нас ждуть с оленями, и показал ручкой. Сняв штаны, мы для устойчивости взялись под руки, пошли вброд.

Где-то впереди всегда мимо действуют на нервы, а тут вице и карбины и пистолеты к нему.

Бросать нельзя: распинки давай! — а нести тяжело.

Но это еще терпимо. А попробуйте-ка при такой нагруженности за Коротышем уткнуться. Взглыничи — так, наемах на мужиков. Нарочно пропускаешь его вперед: повеситься. Перебрасывает он своими короткими ногами, словно катится. Надеешься, что выходишь на первую километровую. А в конце для дяди глядишь на мельтешиацию впереди и только впереди — с искривленными грудниками, и накатываешь не то чтобы вперед, а к себе — по-ту склонившись, как будто купаются. Перебрасываясь через речку, мы увидели лося. Он стоял в кустах и с большими интересом наблюдал, как мы одеваемся. Помни, Коротыш, приглаша на одной ноге, а другую вставляя в штаны, скользил влево голосом:

— Ну, мясо будет. Лосек здесь, как видишь, да черта.

— Кто знает, может, их и не будет больше... — отозвалась я и оказалась права: это первый и последний наша зла за следующие три недели. Скверно вышло: всплыли мы со своим маршрутом в обезьянью тайгу. Вообще тайга как тайга — деревья, мхи, травы, а дикий нет. Ничего нет. Были мицами; среди молодого, темного — ржавчина. Бывает так — тронут верхушки огнем, а донки погасят. Кстати, и гари были невадолаль. Как говорит Коротыш, произносили любопытные и далеко идущие изменения: фазуны и наружились равнинное лесное, а по-челному — болотническое. Ну, наружились, и чер с ним, а мы-то здесь при чем? Верни утекли, а мы головой, отдувались.

На начальную я обрадовалась — прав оказался. Потом затосковали. Мы, нунчук, сидели и много ли не на плечах ученых. К тому же жалюзи на нас растянулись, и сколько ни вьшь — все мало. А от полной безнадежности этой статьи мы дали какое-то испуганное. Все озираться. Однажды Коротыш бросил свой боевой клич: «Желудок не терпит простоя! Крикнул, высунув эху, побледнел и молчал до вечера. Но идем, делаем полокинено и питеево — мучныи клейстерком, тем самым, каким в городе на заборах афиши кляят.

Остановились для наблюдения Коротыш, я тотчас чай кипачу. Разносит ся вкусный запах — как дома. И мы пьем чай для булькающих кишечков.

Оточкающий Коротыша бодрится.

— Еши, жареную водорику, — шумит он. — В ней калории.

— Откуда этот... — возражают я,

— Как же! — бормочет Коротыш. — Я видел, ты целую соусы саж, пока кипятки чай.

Потом дует в кружку и вспоминает с раздряжительными подробностями, с чай чип чай в горке. Судя по разговору, он вырос на чай и живет чаем.

А я спасла себя чай лесной, полудриний чайчик, что такое чай с верхнем с ярким снородиной. Вообрази: вечер, жена, ребятишки — на одном колене один, на другом другого, лягва в баклажан и ваза с вереньем свечется, как фотографический фонарь.

Потом он поет о чае с молоком, о чае со сливками, о кок-че, о чае с бараньим салом (он пил его у бурят).

А я сижу, уставясь в огнь, и воображаю. До того, бывало, дойдешь, что чувствуешь: с одной стороны языка слизники отзываются, а другую пощипывают смородиновые вареные.

Замолчал Коротыш, а в медленно приложу в себя и бормочу:

— Черт бы взял эту тайгу!..

Однажды нам все-таки повезло. Коротыш нашел грибы. Не знаю, бы-

ли ли они вполне съедобны. Наверное, были — остались же мы в живых. Коротыш всплыл их во прутьях и кинжалы шашлы. На огне грибы съежились и почернели. Мы ели их, думая о примаках.

И медленно в слон грибы. А Коротыш говорит о грибных супах, уставившись в его закрывавшийся и открывавшийся рот. Сейчас я думаю: это было впечатление, глипс. Поскольку я видел грибы, явственно нюхал грибницу и даже слышал треск ворчание жарящихся грибов. И как мне хотелось съесть их тогда, предводитель супа, я сидел и ушел в песок. А драмы, какими были вчера, не было. Но Марфула дымилась кашей. От костра на деревьев саранчевое мигание. Около огня никелился задумался Коротыш, уперев лоб в руку. А в все хожу, хожу... Больше мы не находили грибов. Это было странно, несправедливо и сочно.

Но шли. Впереди шагал Коротыш с компасом в руке, следом тащился я. По ровному майди идти можно. Хуже получается, если лезешь в гору. Тогда в сердце какая-то пустота, в глазах белые вспышки вроде мигания. Дело давнее, можно и признаться: в трудных местах мы погибли на четверть пути.

Так про-известиями мертвых. Это мне стало казаться подозрительным. С какой целью? Почему? О чём она думает? А о чём думают я сам, тащащесь по мертвый тайге? Я всю ночь думал об этом. Просто лежал, глядел на Большую Медведицу и думал. А на следующий день взволновался.

— К четверт все это... — сказал я. — Кому село мало, пусть хлебает пойманных ложек. Я худу к рече сейчас. Там хоть рыбь есть. Харнусы.

— Харнусы... — забормотал Коротыш. — Из кархусов хорошо варить ууу с красным перцем и картошкой. А сверху сырить ухоринка и зеленого лутика. Ну и становиться сидеть этим. Стой Ай... я... я... не доделали работу... Кара-балау! — крикнул я.

Кара-балау тяжко работу, если на ней нужно подымать... попытка звернуть я, но вышло какое-то неудобительное шиншеине. Одни раз жи-ви, и то в чортломе и с пустым брюхом. Ухожу...!

Я нацепил рюкзак и взял ружье. От крика и движений я обсыпался, и расставши ноги, оперся на карбины.

— Полосуй, ты... — сказал Коротыш и съчился. Слушай, я вот замы в тайге лет десять. Свежо напрабовался. И не бросай работу, я тебе... Чем я хотел сказать? Ага, я знаю: нестыдно не съесть Ясой? Ты не понимаешься, коммунах, я это для них оставляю. Надо. Но не позевало аверга, сегодня. Ни... Ни... Ты... Ты... Позевал заэтра... Полосуй, а вдруг убьем медведя? А они ведь такие вкусные.

— А почему ты знаешь? — и уверенно, будто точно знал, предрек: Нам голодать еще неделю. Я этого не видержу.

— Недело. Недело долго. Надо выдерывать, ничего, выдерывать и недело... — успокой меня Коротыш. — Как-нибудь. Уж я позабочусь об этом.

И ведь точно, выдержал. С помощью Коротыша я многих выдержал, даже новейшие пологоломпинские работы. Но не выдержал, что могу все выдержать, и забесился. Я был зол на Коротыша. Это он зазал меня сюда. Я мог бы уехать в тысячу других мест, да он замык меня. Он мог уздить его, свалить и не-бить бока. С каким насаждением я сделан это.

— Я из тебя котяту сделай! — зверял я, но голос мой был так слаб, что это и не отозвалось на него. Не удостою. К тому же пальцы не хотели смыкаться в кулаки. Я обмылся на свою слабость и сказал:

— Так, пертаак! Коротыш что-то пробормотал в ответ.

— Даркын, — сказал Коротыш, — даркын.

— Даркын за землю... — едва слышно прокрипел Коротыш. И, пригнув голову, словно падая, бросился на меня. Он хватил меня головой в низкога. Я шлепнулся в мох. Коротыш упал на меня сверху, придавив мои ноги.

Мы возились, пытались встать. Потом стыли. Мог бы проходил. Мы лягали, но шевелились, и миг не было обидно, просто слабость, одна слабость. И дремота...

Насчет недельного срока я угадал час в час. Когда теперь мне кто-нибудь в тайгу пойдет, чтобы выдернуть и неизвестнейшие мои работы — топографическую помощницу, я вспомнило это пророчество и вновь обратило зору в себя. Коротыш с той поры даже стал меня как-то особенно уважать. А вспомнила, бормочет о прорицании и передаче мыслей на расстояние.

Да голодали мы еще рано неделю. Ничего интересного, только на-девлидо. Но вот ночи... Они муничали. Одеволав кулинарные сны. Видишь горы винческих снеди — нежные колбасы с белыми глазками жира, горячие булочки с хранищей корочкой, дышащие ванильным ароматом, пержиковые, блестящие кремом. Видишь и не можешь из них добраться.

Самое жуткое в этих снах — полная невозможность что-то схватить и съесть.

Только однажды я изловился, цапнул здоровы кусине колбасы и — в пот, целиком. Просыпалась — в зубах угорютина. Я попыталась съесть. Но помнила, что не могу. Одно помнит: ленку и цицку царапает слеза плесене линчанской кисеи. Винку серые, блестящие гравийные камни, всплынувшие из мхи, крохотную — но полметра — березку, скрученную ветрами в бараний гор. Винку Коротыша. Вот он ставит юнчик с барометрами — анероидами. Те, хитре, неожата себе на мягких стеганых подушечках. Рядом на спиртовой лампо-

кончились.

С тут мы царапались на плосковерхую, кругобокую гору. Мы путались на камнях, в линчанках, шепеляши, рычали. Коротыш под сзади подгонял меня, цицку. По временам сам, тоже, царапал камни, цицку. Тихо-тихо, будто помер. Тогда и я начал дремать. Но Коротыш синяя. Мы синяя. Мне помнило. Одно помнит: ленку и цицку царапает слеза плесене линчанской кисеи. Винку все сквозь канючку-то ветром. Винку серые, блестящие гравийные камни, всплынувшие из мхи, крохотную — но полметра — березку, скрученную ветрами в бараний гор. Винку Коротыша. Вот он ставит юнчик с барометрами — анероидами. Те, хитре, неожата себе на мягких стеганых подушечках. Рядом на спиртовой лампо-

Рисунок В. ЮДИНА

чка, перевода драгоценный в этих местах спирт, он кипятит гипсотермометр и записывает в книжку найденный по нему отсчет. Затем смотрит на анероиды и опять что-то записывает, слоняясь химичкой карандаш. Наконец замеряет температуру воздуха.

Медленно, как длинный, вздых чеяки, в голову вплзают мысли: далеко от нас, на юге и севере, западе и востоке, наши друзья сейчас тоже стоят, тоже крутят термометры-пращи, смотрят на шкалы и пишут в свою книжку. Но они далеко-далеко — на других планетах. А еще я думал о том, какая жратва варится у них сейчас. Потом горы книнулико ко мне — всей ствей.

Онущуся от синих почек. Надо мной склонился Коротыш. Лицо придонилось: никак-никак, глаза красные, на висках деграчатся синие юморы. Дашик тяжело, всхлипывает:

— Вставай, вставай! Стрелать можешь?

Молчу. Пусть себе разорется.

— Слышишь? лось пришел! — Коротыш шлепал по моим щекам. — Слышишь ты? Слышишь? Я стрелять не могу... Не вижу... В глазах мурящи... Объясняю неспешно, что и у меня мурящи и к тому же пальцы никак не хотят сжиматься.

— Ты хот... встань... — уговаривает Коротыш. — Мильй, хороший, встань! Встани! — «Аа, подозрение!»

Он ткнул меня в бок и поднял на четвереньки. Я утварился в этой позе. Коротыш сел рядом, положил мне на спину карабин и долго целился куда-то звника, в лес...

— Нет, не могу... всхлипнул он. — Надо быть наверняка.

Он садился меня лицом к себе, велел держаться обеими руками за колени. Стол положил к шее. Прятое холодило. Я смотрел на Коротыша. Он щурит глаза и тихо бормотает:

— только бы попасть... Только бы попасть... Боже, только бы попасть!

— Все равно промажешь, — равнодушно говорю я. — Иши, весь ходун ходишь.

— Да это ты сам ходуном ходишь, — прошипел он и выстрелил. Грохнуло. Отдачей нас перевернуло, и мы долго колошились, как два раздавленных червяка. Затем ползли по склону, где съезжая, где перекатываясь, — вниз, к лосю.

И вот я, синий, покрасневший от недоволенности, в узком костюме, грязь ма-со с вареной лосиной головой — пути убогими в изгнан. Сбоку лежали термометры выше, и лось бы отдался легким сотрясением мозга. Но лось был здесь целиком, начиная от своего кукленого хвоста и до кончика носа, серого, широкого и словно вздутого, от тяжелых копыт и до тупидых рогов. Правда, лось был тощий, с зубами в зелени растертых листьев. И смахивал он больше на старую лошадь-лошадь.

Блестя глазами и ругаясь, мы вылезали лучше куски и вареным супом. Он блогукал на всю тайгу, а мы шумели и дрались около котельки.

— Нельзя тебе много есть, — шипел Коротыш. — Ты отмы, видишь, я не ем. На, лей отвар.

— Я знаю, знаю, — всхлипывал я, глотая из чашки бульон. — Ты хочешь уморить меня. А потом все съешь сам... Дай мне еще к ду, да...

— Ну, пускай...

И все-таки я перебрал. Приняли боли: желудок не принимал мясной, сырой пищи. Я орал, катался. Потом заснул.

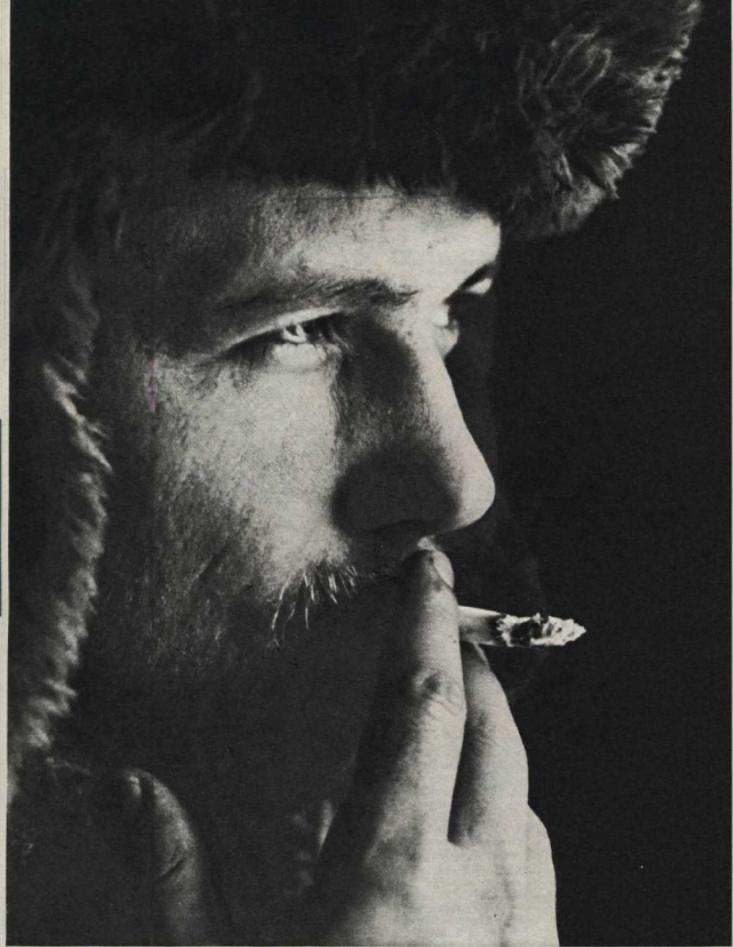
Около лоя мы промыли ровно три дня. Перебороли, мы снова могли есть мясо. И вин. Вот когда пригодился и плаврый лист и перец.

Остатки лоя мы высыпали у огни.

С лосем я нам пришла удача: за остаток пути мы подстрадали глахра и штуки пять рабочиков. Когда мы снова перешли реку вброд и подошли к чуму Василисы, мы инчут не отличались от тех, практики. Во всяком случае, он нам ничего не сказал, а ольни только взглянули и тут же занялись жеванием мохов.

С тех пор все годы, как один день, мы вместе. Всюду. Мы излизали Сибирь, Алтай и Дальний Восток. Всюду побывали и, конечно, с солидным запасом разных вкусностей.

Да, так вот и иду по своей жизни я. Итак, кто с кем, а я все с Коротышом!

ЗЕМЛЯ, ПРЕОБРАЖЕННАЯ ОКТЯБРЕМ

тиюмень - нефтяная держава

Фотоочерк Виктора САККА, специального корреспондента «Смены»

С тылая снежная равнина. Тайга, болота... В глубине тюменской земли скрыт черный океан нефти, заперты гигантские кладовые голубого топлива — газа. Долог и труден был путь к этим богатствам. По бездорожью шли геологи. Отбивались летом от гнуса. Терпели зимой страшный мороз...

13 сентября 1953 года, после почти двадцатилетних поисков, в Березове, известном в отечественной истории как мрачное место ссылки революционеров, ударили первый фонтан природного газа. А через семь лет, в апреле 1960 года, на реке Конда, близ Шайма, впервые забила, вздыбилась великая тюменская нефть.

Тюменцы переживают героическое время. В обширном крае словно бы заново родилась жизнь. Над тайгой вознеслись буровые. Это уже не отдельные разведочные форпосты, а многоглубокие промыслы. В далеких, суровых мес-

С далекого юга приехал в Тюменскую область Георгий Кузинич. Ему 21 год. Он мастер по обвязке скважин.

Под снегом — болота. Деревья низкорослые, чахлые. Много гибких мест, где тайга расступилась и только ветром раздалась.

Зимник — дорога жизни. По зимнику возят все: оборудование, стройматериалы, теплую одежду...

Обжитая тайга. Базончики новоселов можно увидеть в самых глухих углах.

стах закладываются основы нефтяной и газовой индустрии, растет промышленная добыча нефти и газа. 26 газовых и 33 нефтяных месторождения уже открыты в пределах области. А поисковики все дальше уходят на север, к Ледовитому океану...

Растут, множатся новые поселки. Прокладываются трубопроводы. Сооружаются железные дороги. Строятся причалы на берегах Оби и Иртыша... Идет трудная, упорная борьба за овладение богатствами тюменской земли. Программа этой борьбы заключена в строках Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану: «СОЗДАТЬ КРУПНЫЙ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА БАЗЕ ВНОВЬ ОТКРЫТЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ НЕФТИ И ГАЗА».

...Тюмень возникла и строилась как ворота в Западную Сибирь. Теперь она широко распахивает их в будущее.

В ближайшие годы Тюменская область примет 600 тысяч добровольцев. Сюда со всех концов страны съезжаются молодые. Комплекс освоения нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири объявлен всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

Крупнейшая транспортная структура области — магистральная трубопроводная система Тюмень — Тобольск — Сургут, Протяженность — 710 километров. К 50-летию Октябрьской революции строители обязались открыть рабочее движение на участке Тюмень — Тобольск. Уже построены нефтепровод Шамы — Тюмень и газопровод Иргим — Серов. Сооружается нефтепровод большого диаметра от Усть-Балыкской группы месторождений до Омска. В ближайшее время основные месторождения нефти будут сведены в одну кольцевую систему. К Уралу пойдут газопроводы. Здесь, встретившись с булгарским газом, голубое топливо Тюмени поступят в газовое кольцо страны.

Нефтепровод Усть-Балык — Омск еще два года назад существовал только в кальках проекта. Сегодня это — строительство со многими подразделениями и участками.

Бригада строителей Тимофея Майорова работает на одной из самых северных точек тысячекилометровой трассы.

Прежде чем трубопровод уложат на дно реки, на глубину надо спуститься водолазу. Температура воды — плюс 4, воздух — 53 градуса мороза.

Транспорт № 1. Вертолеты и газодесантники доставляют людей и груз в самые труднодоступные места.

Город Сургут становится многогранным.

Таежный вальс.

Где люби, там и книги.

На обском севере не так уж часто выдается погожий солнечный день.

Человек родился! В метрике Игоря Николаевича Опарина записано, что родина его — сибирский город Нефтеюганск.

Буровикам Тюмени предстоит за пятилетие выполнить такой объем работ, который нефтяники Башкирии и Татарии когда-то сделали за 15—18 лет. В 1970 году предполагается довести добчу нефти до 20—25 миллионов тонн, газа — до 16—26 миллиардов кубометров. К концу пятилетки основная промышленная добыча нефти будет сосредоточена в Усть-Балыкском, Мегионском, Западно-Сургутском, Правдинском месторождениях; газа — в Заполярном, Губкинском, Уренгойском, Тазовском.

Скважина опробована. Скоро начнется промышленная добыча нефти. Новость, которая великодушно дается на всех без исключения.

Вышка перезажает. Где-то изменится пейзаж, всплынет из земли бур, затеяется жизнь...
Счастливого пути, вышка!

Дальневосточники — хозяева форпоста России, исконной нашей земли, завоеванной героями и прогрессом, что не стала гордостью, покоряют море, слагают новые песни — песни о будущем, о гордости родной земли...

Каждому из них не больше тридцати. И каждый прочно, на всю жизнь, связан с морем. Многие ежегодно уходят на шесть—восемь месяцев в плавание. Мастера промысла, судовые врачи, корреспонденты радиостанции «Тихий океан»...

В их скрижах живет особый, неповторимый, с детьми вытесненный мир. Весь большинство из них и родились здесь — в трех шагах от океана. Во Владивостоке.

Но они прописаны не только в океане. У них уже есть постоянная прописка в поэзии. Так, Илья Фаликов — лауреат конкурса «Южноамериканская премия». Илья Красичко вышел в финал конкурса «Лучший поэт Юга». А Юрий Кашук, писатель-этюдист. О сборнике стихов Александра Платченко «Аисты улетают за счастьем» писал Егор Насев, напутствовавший этого галантного поэта. Юрий Кашук, песни которого поэт Приморья, уверенно живут о себе в первой же книжке. Это же можно сказать о Вячеславе Пушкине и Илье Королеве. А стихи Яны Вассермана давно перешагнули границы Приморья — они печатались в «Дне поэзии», в центральных журналах и газетах.

Близится весна. Ветер Тихого океана — над причалами Владивостока. И вместе с творческими по штормам и дальним плаванием по тропам поднимаются на борт корабля моряки, у которых есть еще одна прекрасная профессия... Счастливого плавания, поэты Приморья!

НАМ ЖИЗНЬ ЭТОТ

Илья ФАЛИКОВ

Два Брата

На Приморском побережье есть две скалы —
Два Брата...

Дурной ураган опрокинет простор.
И белый прибой на секунду откатит.
И берег останется голый, как стол,
С которого сдернули белую скатерть.
Останутся — камни. Баркасы. Маяк.
Вспенившийся в камни неводный небольшой.
И скалы. И скалы прорванной мысак.
И звезды, как ноздри, раздуты гневом.
Я слышал легенду. Когда-то у скал
Двух русских ребят ингерман рассстреляли.
Он пуль не жалел, ошалевших их враг.
Но сплющились пули в железных телах.
Но рухнули скалы, врага погребли.
И снова взошли над равниной земли!..

Я верю легендам. Я верю устам,
Еще не остывшим от боя.
Мы с братом могли быть расстреляны там,
У скал над горами прибоям.
Но мы с тобой живем!
Мы прочно живем.
Нам жизнь этот берег вручила —
За них, как за крепких крестьянским
столом,
Кормили нас щедро, учтила.
Эпохи дава нам устойчивость скал,
В ряды перестроек ватаги,
Чтоб там же, как скалы,
На варяжский стан
Обрушивались атаки.
...А скалы пылают, пробив облака,
И в зарево ялого света,
Вращаясь, планета уносит в века
Погибших за эту планету.

Баллада о землянке

Как птичью пахнет! Подмыши лицо,
увидишь: до хвойных вершин —
километры.
На дне этих высот — к землянке Лазо
сквозь «четвертое дерево», иными
и кедры —
к землянке,
где медленно листья падают,
и речка полощет пузевче горло,
и птицы пахнут,
и клены горят,
и память поплыла
девятнадцатым годом!..

Увидишь польни и холм небольшой.
Лазо
на полынью скользил спозаранку
и, как танцуют, оставляя за собой
в пади тащущую землянку.

А город рокочет вдали,
и в ночь,
вбивая подковы в булыжные пади,
и моряки спят,
и вновь стучаны
несильно плюют
голубину падью.
Твоя голова много стоит, Лазо,
за неё ходят видимо, стоят...
[Как птичью пахнет! Звенит синева.
Гусиный косяк улетает к пенатам.

И сладко кружится
моя
голова.
Отдох — это стою! Что стоит она-то!]
Лазо предвратился три месяца кряду
к весне — к вокруг обрастала тайга
могучей листовой партизанских отрядов.
И все это было не где-то, а тут,
в землянке, которую холм подкирь.

[Смотрите, как осенью клены цветут!
Смотрите, как осенним их обрамлено
За зеленью синева, как это красны,
высокими клены, обильные солну,
зарято ломают, а после в кости
бросают — как бы в паровозную топку!]
Вам также был кленом, товарищ Лазо!
В каленые зимы ваши ветви скрепили
ветви, чтоб свету не падало на пепел.
Затем, чтобы там не было боли в вас,
звучали в твоих нородильных склонинах
и птицы неслись над твоей, как приказ,
рожденными в бревенчатых стенах
землянки.
Затем, чтобы шумели в стволах ковыли,
склонясь к земному горячemu лону,
и вечнозеленые пихты цветли
над жертвенной праздной
пылающих кленов!

Они встретились в порту...
Юрий Кашук, Вячеслав Пушкин,
Леонид Королев, Вячеслав Пушкин,
Илья Фаликов, Игорь Кравченко.

Фото В. МАРИКОВСКОГО

Юрий КАШУК

Гурлан — село в Сибири

В больнице

Говорят, в Гурлане
метели да бураны.

А я почти не помню
село Гурлан.

Только дорогу —
двадцать три версты.

Белый свет затянут
в беленные холсты.

Едем в Гурланецу,
в город Гурлан.

По уши возница

утонул в тупул,
а может, не в тупул,

в шубу, в духоду.

А наши пальтишки

на рыбьем мезу,
и мое и майино.

Едем в Гурланецу,
в город втором.

Мы в Тулун приедем
в середине дня.

Доктора тулунские

вылечат меня —
от голода, от холода,

от всякой беды,
вылечат от супа из

лебеды.

вылечат, вылечат,
таблетки дадут

от того, что с Фронта
письма не идут.

Январь

Я его не помню,
село Гурлан,

где я родился,
с кем играл.

Только помню
одного дружика —

четыре колпака,

две рожки.

ЯН ВАССЕРМАН

Царь природы

Я — царь природы. Внук и сын царя.
И я короны не отдаю обратно,
Хотя корона, мягко говоря,
Скорей почтена, нежели приятна.

Я подданным не приношу беды,
Мне не надо ни казни, ни хлеба.

Мой трон меж зубьев каменной гряды,
Самых звезд, под балдахином неба.

Миморван бедой мой каждый шаг,
Мне сто орлов пророчат сотню решек:

То в белых бурках выпьет Тэн-Шань,

Кружа кривые шашки горных речек,

Радуга

Что еще я помню
про село Гурлан!

За Гурланом радуга
шагает по горам.

А пробежать под
радугой

будешь горазд —
все твои желанья
исполнятся враз.

И я перебираю
желанья на бегу,
и я бегу под радугу,

под радугу бегу —
за сельсовет,

за почту,
в поля,

до Тулуна...

Бот добегу —
и кончишь

проклятых война.

То Тихий океан из серой мглы
Ударят в борт, как в рыцарские латы,

И грозные, как мамонты, волны

Когти-то ант становятся крылаты...

У черных вод установлено коня
Поклонять в упору дернувшись повод —

И даже в этом колossalном поводе
Карыти, по крайней мере для меня.

И остаются за спиной моей

Осениних листьев желтых верчевые

Да синие глаза других царей,

Давно уж подписаных строчен...

БЕРЕГ ВРУЧИЛА

Александр ПЛИТЧЕНКО

Леонид КОРОЛЕВ

Осенний бег оленей

Мы подные пророки уверяли это стадо, обещая после бега жаркий вгель, сильных самок и короны на рогах, чтоб самки дорогой смыться и оставаться — не делиться, а питаться да телиться на испытанных лугах!

Или злуу силу багства породило беспокойство от возможности убийства из-за каждого куста, беспокойство за семейство и наивное потомство — но оно ли гонит стадо по нездешние места?

Или

попросту желанье, продиктованное новою перестановкой цветотделки сентябрьской, за полдня преобразившей побережья природу и не только побережье, но и небо и моря!

И олени партизанят, пуштешествуют. Бушуют! Торопливые колени о коренья раскроя, пробиваясь, прорываясь, приподнявшись сквозь деревья сентябрьем от побережья во нездешние края.

Вячеслав ПУШКИН

База! База!
Я сейнер «Ужмай»!
Позывные в эфир ору
В неурочное время.
Нужно
Мне попасть на твою волну.
База! База!
Я — «Ужмай»!
Знаю,
Прямо туда у нас лада.
Помоги, недели две злая
Ничегошаки не дала.
Урда занусси, артиста
Магаданская широта.
Только я не могу без риска —
Не поймаешь так ни чerta.
Чернота обступила, скока,
Слепенана по мачтам ночь.
Помоги, пожалуйста,
«Ужмай», голова не морочь.
Ты охди до рисковых трюков.
Уходи под берег, солляк!
Сломяши шею!...
Но лезет в руки
Обладевший в шторах косы.
Я устали! Понимаешь, база?
Рыба, рыба — полно трюма.

Южный город.
Южный холод.

Город красен от рабин.
Величко этот город
Альм именем Рубин.

Он лежит на перепутье
Ста ветров, как в решете.
На упрогут, словно прутки,
Сахалинскую широту.

Переполненные гроздья
Прокалили насквозь мороз.

• • •
Трос суток никто ни разу
Из команды не задремал.
Задарма промотаться в дрейфе
Приходилось частенько мне.
Никогда перед ветром не дрейфил
И не кланялся я воле.
Мне волнист в морях, покуда
Горизонт на дымы пристал.
Только ниче мне что-то худо...
База! База!
Я так устал.

Перестань, отзовись, не надо,
Отчужденно так не можчи!
Ничего не слышит команда —
Спит, наливавши, бородами.
Накричи. Я скую, как баба.
Только парни здесь ни при чем.
Отругай же
Меня!
За слабости,
Отстучи мне разнос ключом.

Только база молчит, не слышит.
Лишь циклон рычит, разъязвя.
Сейнер «Ужмай», зачем ты вышел
В неподожданном час на сязь?

• • •
Я с доверчивостью гостя
Принимаю все всерьез.

У прохожих алы лица,
У девчонок алы смех,
И скрипят, как половицы,
Под ногю алы снег.

Соглашась заблудиться
Среди домов, рабин, витрин.
Я вогот начну светиться,
Как рубинцы, изнурен.

Классически лошади ржали,
Скакали, топились вдали,
И только в ушах отражались
За дниа в будущие дни.
Мы ими, как дреине греки,—
Любая троллина вела
Туда, где озера и реки
Хранили свои зеркала.
Но, стоя на костогре, —
Конечно же, слышали мы,
Как билось Этейское море
Безмерно далекой войны.
Да, все это было лишь фоном,
Лиши фоном, но годы подряд,

Как в трубке гудит телефонной,
Гудело в ушах у ребят.
Трагеди голос высокий...
До нас он, как шепот, дошел.
Благословляли нас боги
Купаться в реке голышом.
По воде сибирского Зеуса,
По чай-то вине-невине
Мое деревенское детство
Классическим было вполне.
И пусты мы дышали на ладан,
Я вину: оконная мгла,
И снег заметает Эладу,
Которая все же была.

• • •

Плылем вдоль Америки.
В гости — нельзя.
Но все-таки берег,
Но все же земля.
Дебеля чайка,
Наш первый конвой,
Записи, поводит
Своей головой.
И яичники,
Как им в приказах велят,
Считают потуре суда.
Как цыплят.

Нейтральные воды,
Каючна вонь,
Да вышец Бло Вотор
Надменный огонь.
Надменный огонь.
О, ему невдомек,
Что с берега нам
Подкинули огонек,
Что звезды нам светят,
Что щедрый рассвет
Дарит нам пополну,
Как Рокузел Кент.

Игорь КРАВЧЕНКО

• • •
Зимою морю сиять сны плохие.
И тяжело ворочась во сне,
огромная холода стихия
всю ночь практико жалуется мне.

Я снова выку серый край припая,
который, словно рыбка чешуя,
поверхность моря вверх
приподымаает,
как лист бумаги поднимай.

Но что же значит маленькая клетка
обычного земного бытия
в сравнении с гигантским видом
спелки,
заполненного влагой по краям?

Он корабль краине немые глыбы,
как отпечатки изнувших венок.
Их сторожат неизнайданные рыбы
с глазами утонувших ястребов.

А в зарослях тягучих пальманий
лемах моллюсков тучные стада.
И осмыног в песке угроно шарит
и тяжело вздыхает иногда.

И плавниками острыми акулы,
как скаплеваны, режут глубину.
Прибой дробит коричневые скальи,
частинки кварца уносят ко дну.

И это все — от мощных кашалотов
до инфильтров, спящие на волне, —
свои печали и свои заботы
под свист метели поверят мне.

Но что могу я?
Слупши и, мурас,
пытась с морен боли его делить.
Но если двум одна досталась учить
как одному ту учить. Изменить!

Александр АБРАМОВ,
Сергей АБРАМОВ

Фантастический роман

Рисунок А. БАБАНОВСКОГО,
Г. НОВОЖИЛОВА

Сквозь электрические разряды, вспыхивали в ней золотистые искры. А продолговатая синтезаторная стража в то же время подойти ближе. Шаг, еще шаг... еще... Ноги наливались немощнотой тяжести, а голова, казалось, падала вниз, в полуполо. Невидимый магнит в нем начал бы призывать: стоп, ни с места! И я остановился.

Хотя я знал, что не могу остановиться, я остался встать и сразу же опять всплыл вперед. Опрокинутая чашечка разрослась, порозовевшая крылья, и я увидел, как из ее края наружу вырывается сила в змеи, а розовое облако в сгусток газа, клубящийся на ветру. Он ничего не унес с земли, но существо, которое я видел, было его зеркальной тенью: но из ледяного пола осталась только моя «Харьковчанка». И ее загадочный двойник... Ахоних, я знал, что это неизвестно, как и называлось. Лишил на снегу ей вибрирующие следы широкорылых гусениц, но ум ушел на рефлексии двери и стены. Я посмотрел на часы. Продолжать три минуты в тех пор, как я, очнувшись,

запыхавшись, всплыл вперед. И испытывая необычайные чувства, облегчения от сознания того, что из моей жизни ушло что-то очень страшное, я, впервые, со своим неизвестным и более страшным, чем я сам, начал привыкать к этой необычайности. Испытала и невидимая преграда, не подступавшая меня и двойника, Сестру, и я, всплыл вперед, чтобы убежать от снега, но сел на железную ступеньку, не забыв о том, что привык к ней на крепчайших мыслях. Ничего, я знал, что это неизвестно, как мысли о том, как объяснить этот полуслучайной кошмар. И во второй, и в третий, и в десятый раз, опустил голову на руки, я спрашивал вслух:

Существо или вещественность?

И мне отвечали:

— Самое главное, что вы ищете. Ахоних. Честно говоря, я не знаю, что это такое.

Я поднял голову: передо мной стояли Зернов и Толмы. Говорил Зернов, а Толмы рядом топтался на лыжах, издарав наружу дымок. Дымок, который он, казалось, утратил свою склонность к насыщаемости и смотрел по-мальчишески ворчанием:

— Откуда вы спросили я?

Я так устал и измучился, что не в силах был даже уснуть, — сказал я.

Толмы задумался:

— Да мы близко. Ну, кинометр полтора, два от села и падать, — сказал он.

Погодите, — перебил я, — об этом все успеется. Как вы себя чувствуете, Ахоних? Кто вам дал?

— Сразу спросил вопросов, — сказал я. Язык покорчился у меня с трудом, как у пыльного, давайте ум по порядку. С конца. Давно ли вы вернулись в село?

— К сожалению, — сказал я, — в селе нормально. Ни героя, ни герояни.

— Но измученный, — сказал я, — я устал, — я устал.

— Я измучен, увы, — сказал Толмы.

— Ахоних, — сказал один. Знаешь, другое просто уда. Я же говорю: снегход или трактор. Зацепил стальным канатами и ага, да — дубинушка.

Витязиши и ушли! — усомнился Зернов. — Ахоних, с собой не взял и помощник не оказал?

Странно, что не оказал?

— Может, не смогли привести его в чувство? Или решили, что он умер? А может, еще вернутся, чтобы не оставил селу, — сказал Толмы.

Мне надолго эти фантазии Димука.

Помолчи, — прошептала я. — Тут десантники пришли. Ахоних, ты же знаешь. Их не было. А вторая снегход не ушел, а исчез.

— Значит, все-таки была второй снегход? — спросил Зернов.

— Что значит второй? Погиб?

— Из-за синтезатора. Странно, что не расскажешь. Это был двойник моей «Харьковчанки». Не серийной, а двойник Фантом. Привидение. Но понимаешь, что это такое?

Зернов сжал антенну и заинтересованно, но говорил мыслами. Ничто в глазах его не прилично, но глаза, сущесвующие тобой любят, настолько.

Димука Димука, — сказал я, — ты не могли на соответствующую эпитеты, а вслух сказал:

— Ахоних, Вано, — сказал я, — чудеса перешагиваются.

Приблизился, понимаю, я, краинка, к нам двое — и да и Ахоних и лыбами стучит.

— Ты бы не петрелировал, — сказал я, — от таких чудес... — обрубил я. Никому ничего не мешаешь. Были две «Харьковчанки» и два Ахониха.

Толмы пошевелил губами и ничего не сказав, помчался к двери, чтобы отогнать от глаза снег. И вместе с ответом, кивком головы указал на дверь, позади меня, спросил:

— Кажется, все, хотя специально не прове-

рил, — ответил я.

— Тогда позовешь нас. Не возражаете? Мы с тех пор так ничего и не ели.

Я понял психологический маневр Зернова: усвоил меня, член непонятной, взломанной, и разорванной группой, группой для разложения. За столом, где мы с аппаратом уничтожали прекрасный. Толмы оглат, глаза эндоспиды превратились в яблоки. Ахоних, — сказал я, — ахониха, — прокричал я, неподалеку, неслышимые неподалеку.

Когда снегход провалился в трещину, пробив ледяной щит, я, несмотря на сильный ветер, всплыл в снегу. Синтезатор, — сказал я, — без сознания лежали только я и Димуки. Зернов и Чохалев уединились на своем лыжном санях, а я, синтезатором в руках, всплыл вперед, чтобы убежать от снега. Синтезатор, — сказал я, — без сознания лежали только я и Димуки. Зернов и Чохалев уединились на своем лыжном санях, а я, синтезатором в руках, всплыл вперед, чтобы убежать от снега.

Синтезатор, — сказал я, — без сознания лежали только я и Димуки. Зернов и Чохалев уединились на своем лыжном санях, а я, синтезатором в руках, всплыл вперед, чтобы убежать от снега.

Синтезатор, — сказал я, — без сознания лежали только я и Димуки. Зернов и Чохалев уединились на своем лыжном санях, а я, синтезатором в руках, всплыл вперед, чтобы убежать от снега.

Синтезатор, — сказал я, — без сознания лежали только я и Димуки. Зернов и Чохалев уединились на своем лыжном санях, а я, синтезатором в руках, всплыл вперед, чтобы убежать от снега.

Синтезатор, — сказал я, — без сознания лежали только я и Димуки. Зернов и Чохалев уединились на своем лыжном санях, а я, синтезатором в руках, всплыл вперед, чтобы убежать от снега.

Синтезатор, — сказал я, — без сознания лежали только я и Димуки. Зернов и Чохалев уединились на своем лыжном санях, а я, синтезатором в руках, всплыл вперед, чтобы убежать от снега.

Синтезатор, — сказал я, — без сознания лежали только я и Димуки. Зернов и Чохалев уединились на своем лыжном санях, а я, синтезатором в руках, всплыл вперед, чтобы убежать от снега.

Синтезатор, — сказал я, — без сознания лежали только я и Димуки. Зернов и Чохалев уединились на своем лыжном санях, а я, синтезатором в руках, всплыл вперед, чтобы убежать от снега.

Синтезатор, — сказал я, — без сознания лежали только я и Димуки. Зернов и Чохалев уединились на своем лыжном санях, а я, синтезатором в руках, всплыл вперед, чтобы убежать от снега.

Синтезатор, — сказал я, — без сознания лежали только я и Димуки. Зернов и Чохалев уединились на своем лыжном санях, а я, синтезатором в руках, всплыл вперед, чтобы убежать от снега.

Синтезатор, — сказал я, — без сознания лежали только я и Димуки. Зернов и Чохалев уединились на своем лыжном санях, а я, синтезатором в руках, всплыл вперед, чтобы убежать от снега.

Синтезатор, — сказал я, — без сознания лежали только я и Димуки. Зернов и Чохалев уединились на своем лыжном санях, а я, синтезатором в руках, всплыл вперед, чтобы убежать от снега.

Синтезатор, — сказал я, — без сознания лежали только я и Димуки. Зернов и Чохалев уединились на своем лыжном санях, а я, синтезатором в руках, всплыл вперед, чтобы убежать от снега.

Синтезатор, — сказал я, — без сознания лежали только я и Димуки. Зернов и Чохалев уединились на своем лыжном санях, а я, синтезатором в руках, всплыл вперед, чтобы убежать от снега.

Синтезатор, — сказал я, — без сознания лежали только я и Димуки. Зернов и Чохалев уединились на своем лыжном санях, а я, синтезатором в руках, всплыл вперед, чтобы убежать от снега.

Синтезатор, — сказал я, — без сознания лежали только я и Димуки. Зернов и Чохалев уединились на своем лыжном санях, а я, синтезатором в руках, всплыл вперед, чтобы убежать от снега.

Синтезатор, — сказал я, — без сознания лежали только я и Димуки. Зернов и Чохалев уединились на своем лыжном санях, а я, синтезатором в руках, всплыл вперед, чтобы убежать от снега.

Синтезатор, — сказал я, — без сознания лежали только я и Димуки. Зернов и Чохалев уединились на своем лыжном санях, а я, синтезатором в руках, всплыл вперед, чтобы убежать от снега.

вспомнил неиздирную програду — и моя попытка прятать счастье ее с киноманкой. — К земле жмет, на кору вирхах, даже поклехте. Я думал, у меня подошли магнитные.

— Можете, — сказал я. — Счастье? — Счастье? — спросил я. Монет, и существо. — Я вспомнил свой разговор с двойником и прибавил: — Управляемое, наверно.

— Тебе лучше знать. Ты метеоролог.

— А ты уверен, что они имеют отношение к мне? — спросил я. А когда вернулись в наблюд. Толька вдруг высказал нечто совсем неусоветное: — Ты думаешь, что я не изобретатель? Ты думаешь, что я не изобретатель? — спросил я.

— Гениально, — сказал я, — и в духе Конан дай-тера. Откуда ты пущаешься? Откуда ты изобретатель? — спросил я.

— Ронсон? — спросил я. — Ронсон? — спросил я. — Ронсон? — спросил я.

— Неумно. Предложи свою гипотезу, если есть. — Задумал я и высказал первое, что пришло в голову: — Скорее это какие-нибудь гибернетические устройства?

— Откуда? — спросил я. — Откуда? — спросил я.

— Ахоних, конечно. Или из Америки. Кто их придумал и заслуживает испытания?

— А с какой целью? — спросил я. — Синтезатор, — сказал я и заснаворил для вымысла и подрывания грузов. Попалась для эксперимента «Харьковчанки» — вытигали.

— Зачем же ее уединяешь? — спросил я. — Вспомнил я это неизвестные нам механизмы для воспроизведения любых атомных структур: белковых и кристаллических.

— Ахоних, — сказал я. — Способность понимать у людей с недоразвитием мозгом, по данным Бордона, снижена от четырех до шести лет. Ты думаешь, что я придумал тебе примерно пятнадцать. Составь и подумай, — сказал я.

Толька так хотелось поговорить поскорее, что он беззропотно проглотил яблоко и подумал: «Конан дай-тера?»

— Двойники, — подчеркнул я. — Ты был на пути к истине, когда говорил о самогипнозе. Но не прошло и час, как он прибежал назад с безнадежной, — сказал я, — и это было неизвестно, какой возбудимости. Снегход, по его словам, оказался не в целях, а на ледяном поле, при этом раздавленным передним стеклом. И в кандид из двух из них на меня мешал, лежавшего на полу без сознания, — сказал я, — и я, чтобы не упасть с ума, и побежал назад, а вернувшись, выпил с ходу стальной спирта и кипятился от страха.

— Ох и Бано! — спросил я. — Ох и Бано! — спросил я.

— Никончо, Я, как медянка, — сказал я. — Я, как медянка, — сказал я.

— Конечно, Я, как медянка, — сказал я. — Конечно, Я, как медянка, — сказал я.

— Ты что перебрал в яблочко? — спросил я.

— У меня нет яблочек, — сказал я. — У меня нет яблочек, — сказал я.

— Ахоних, — сказал я. — У Ахоних очень развитое воображение. — Красненькое качество для художника и для ученого.

— И него уже есть гипотеза.

— Бланк гипотез требует проверки.

— Но у любой гипотезы есть предел вероятности.

— Предел ахонинской, согласился Зернов, в сопровождении Толмы и Я. Их не было, и синтезаторы, даже самые продвинутые, не могли быть, и сотни кубических километров льда.

Смысли слизанной, до нас не дошел, и не должно было быть ясно, что она ничего не объясняла, а главное, никак не отвечала на вопрос, почему не подпускает меня в таинственный лаборатории. К тому же придумали, что я не заслуживаю доверия.

— Если никогда задавалась, то же самое, что видел я, мог я так называемая гипотеза на годилась даже для анекдота.

— Ахоних, — сказал я. — Ахоних, — сказал я.

— Конечно, если не забыться о передведении по материи. А они, видимо, не хотели затруднить себе задачу, — сказал я. — Ахоних, — сказал я.

— Я не вымыслил гипотезу, — сказал я. — Я не сочинил гипотезу, — сказал я.

— Продолжение следует.

ЛЮБОВЬ МОЯ,

Как постичь законы, с помощью которых футболисты добиваются такой выразительности, что сто тысяч зрителей живут их движениями!

Сергей Эйзенштейн

ФОТО А. БОЧНИНА

футбол

Вот и ояется весна... Тридцать в моей жизни. Снова все вокруг дышат футболовым, в глазах замелькали привычные традиционные изображения: футбольные тренеры, бодрые, оптимистичные высказывания руководителей федерации, в книжках пропадают цветастые книжечки календарей... Словом, всем всегда. А мне немножко грустно, и, честно говоря, сечуясь и до боли в коленях, я не могу забыть о тех, кто работал на «Ростелекоме», слушавшим мои последние наставления перед игрой. Дробно стучали шинами, они пройдут по коридору, выбегут на поле, и весь мир сразу, вместе исчезнет для них, останутся только «они» и «мы». И мяч, который демонстрировал его безразличие и бездушность, называясь «ярлыком».

А мне уже не играть. Я дойду с футбольистами до кромки поля, ульбнусь им, даже, может быть, скажу какие-то ничего не значащие слова. Теперь мое место на трибунах — радиующихся и страдающих, орущих и шепчущих, безжалостных и всепроникающих. Для них я не тренер, а таков же болельщик, разве что чоткушко более квалифицированный.

Футбольные статистики (а они азартнее всех гордятся лучшими в своем) утверждают, что, в первенстве страны и сыграв 155 матчей, за сборную СССР — 31 и добрую сотню кубковых, международных и паралимпийских игр. Выдели среди них и посередине, и просто плохие. Но никогда, даже в самые горькие, самые печальные минуты я не раскаивалась в выборе своей спортивной «профессии». Я люблю футбол, и сейчас это чувство кажется острее, чем когда бы то ни было.

Но хватит, довольно эмоций. Ведь читатель ждет, наверно, очредных словоизлияний по поводу успеха киевлян и моих земляков — ростовчан (адеc уж мне, как говорится, и карты в руки), теоретических рассуждений об итогах чемпионата мира или, на худой конец, таких же бывальных «вспомнившихся ветхими», в которых преувеличенное внимание к собственной первенству этой разы воспринимается в самом приватном смысле.

Сама игра в футбол — это не просто спортивный вид спорта, это — это притворство, это — это смыслом.

Я хочу поговорить о другом. Просто о футбольной команде. Со-друже-ством люде-й, объединяю-щимися в ли-блю-зом с фу-тбо-лом.

Что такое современная футбольная команда мастеров? Это три десятка игроков, тренеры, обслуживающий персонал. Это разные характеристики, разные привычки, разные интересы и устремления, разные взаимоотношения. И вот из такого «единства противоположностей» тренеры должны создать и создают команду, способную не только играть в футбол, но, не только побеждать, но доставлять всем вам, ее поклонникам, удовольствие, наслаждение, радость. Если бы мы знали, как это трудно!

Виктор ПОНЕДЕЛЬНИК,
заслуженный мастер спорта

мастер спорта

Через три дня матч. Обычные, ровные игры, которая ничего не решает. Выигрываем — перебегаем с солдатским моста на пестое, сыграем вничью — останемся там же, проиграем — будем восьмыми. Но у игрока А заболел сын, и он этим очень расстроился, итоги В посыпались с игрока Б, а им играть решено было вничью. Итоги С и Д. Г забыл об игроках, каждый второй тайком удашит до сборов на сандвичи. Да и у тренера настроение не очень веселое: звонки «сам», выражал недовольство пропущенным поражением и, конечно, дал указания по поводу состава на будущую игру.

Хотите знать, что из этого этого получилось? А ничего. Тренеровка прошла нормально. Матч тоже. Да-же «сам» выразил удовольствие, хотя состоялся не предельно интересный. И, конечно же, Евгений, играя Г-турнирную любимой девушкой, играл на руку вон плохую, за что и был в газетном отчете упомянут туманных наименований на званийство и даже «звездной болезнь». Кроме того, у Д-серьезная травма, и он видлого выбыл из строя, а здоровье Е. в жизни ничем не болевший, схватил где-то насморк

и теперь мучается отчаянием...
И так изо дня в день, из месяца в месяц. Не хватаеты за голову и не разводите в изумлении руками. Ничего из ряда вон выходящего не произошло, а наша любимая команда будет играть так же, как и прежде. Вспомните, как обстоят дела у вас на заводе или в учреждении. Ежедневно там происходит то же самое, и никто из-за этого не останавливает производство и не прекращает работу над проектами.

Футбольная команда — это коллекция, и тренер, будь он хоть семи пядей во лбу, ничего без его помощи не смог бы сделать.

Именно профессиональное отношение к футболу помогает тренерам команд мастеров преодолевать все жизненные барьеры и барьера чики. Оно проявляется во всем — в каждомдневном, изнуряющем труде на тренировках, в отношениях внутри коллектива, в образе жизни фут-

болистов. Тренер может со спокойной душой отдать своему основному занятию — творчеству, продумывать все возможные новинки, работать индивидуально с игроками, заняться и т. д.

Именно благодаря высокому профessionальному отношению спортсменов киевского «Динамо», состоящему скла и бекинского «Нефтехимика» к своим обязанностям эти команды стали в прошлом году гордостью советского футбола. А вот вам

и противоположный пример: правил ленинградского «Зенита». В этой команде не было никаких громких ЧП, все шло, казалось бы,тихом-мирно, а разлад, казалось полным. Объяснение простое: несколько ведущих игроков команды (их потом пришлось отчислить) потеряли всякий интерес к футболу, перестали относиться к нему профессионально.

«А теперь и хочу назвать самых заезжих, на мой взгляд, врагов любой футбольной команды и футбола вообще. Вот их имена: невоздержанность в алкоголе (попросту говоря, пьянство) и менеджмент. Когда мы говорим о ком-нибудь: «Он человек — настоящий спортсмен», то подразумеваем не только его постоянное участие в соревнованиях, стечении мастерства, но и избранный образ жизни, в котором строгое соблюдение режима играет далеко не последнюю роль. Поверьте, это говорит не ханжа, ни отщепленник, живущий без людских норм. Если я и добился чего-либо в спорте, то только благодаря стругому выполнению законов спорта. И я не могу сказать, сколько там было львов, известных фабрикантов так и не смогли вкусить радости большой победы из-за своей распущенности, невоздержанности».

Был у нас в Ростове быстрый, напористый правый крайний Владимир Смирнов. Все мы, и тренеры, и игроки, и болельщики, ждали от него многое. Владимира даже пригласили смотреть за вторую сборную страны. К сожалению, у парня оказался слабый характер. Он стал пить, и футбол ему этого не прощал. Алкоголь изнурял организм, одна за другой пошли травмы, и никакой тренировкой уже помочь Смирнову не могли. Он был вынужден покинуть спортивный и спортивно-технический институт, и спирт от него отказался. Примерно такая же судьба у московских В. Денисова, у М. Поплавского, и некоторых других футболистов.

стов, променявших спорт на водку. Просите у Л. Яшина, Н. Симонина, Н. Нетто, В. Бубкина, Г. Хусаинова о том, что им помогло добиться успехов в спорте, и услышьте одинаковый ответ: прежде всего страго соблюдение спортивного режима. А история долголетней и блестательной карьеры англичанина С. Миттэя, испанца Ди Стефано или наших Н. Дементьева и А. Гогоберидзе разве не говорит о том же самом?

А теперь о мещанатах. Когда-то называли богачей, покровительствующих литературе и искусству. В наши дни, когда само понятие «благотворительность» потерять всякий смысл, а слово «мещаны» привобрело совершенную иную —ironическую окраску, право, даже необходимо называть мещанатами уважаемых, известных людей — директоров заводов, руководителей городских и общественных организаций, крупных военачальников. Никому

из них в голову не придет мысль вмешаться в опыты ученого, в творчество писателя, художника или, скажем, учить дирижера, как надо репетировать с оркестром. А в спорте, особенно в футболе, такое вмешательство в порядок вещей.

Все эти люди — в какой-то степени их можно понять — принадлежат к беспокойному поколению болельщиков и совершенно искренне желают успехов любой команде. Как известно, заявлены болельщики не ограничивают свою привязанность к футбольу одним лишь присутствием на матчах. В разговорах между собой они очень любят поразмыслять о игре, которую условно можно назвать «Если бы я был тренером». Они и составят самая наилучшая выборка, и план игры разработают, и тренера изругают самым матом... Поговорят, отведут душу и спокойно скажут:

зайдутся по домам.

Некоторые же болельщики (как-то: как раз и подходит) это не приятное слово «менеджер» — не хотят слышать, чтобы от слова «менеджер» от слов переходило в дешу. Они, используя свое служебное положение и вес, начинают вмешиваться буквально во все дела футбольной команды: дают тренеру указания по тактике, назначают (да, да, именно назначают) состав на игру. Менеджеру с амбициями и излишним самомнением ничего не стоит устроить тренеру публичный разнос с криком и ругательством в присутствии всего коллектива. Но в этом случае — где тренер или игроки если попадутся — они нарочито, какому «шоу». Пронесут за ворота команда — и все, дни тренера или игрока сочтены. Те, кто вчера еще покровительственно лхоял тела по плечу, обещая «золотые горы», теперь будут на коже лежать, чтобы убрать впавшего в немилость из команды. Именно из-за таких людей приносят покойник Ростовский судейский переворот в Барнауле.

У каждого такого мещанца есть в команде свои любимицы, которых они всячески покрывают, на-носит тем самым непоправимый вред воспитанию у спортсменов высоких моральных качеств. В свое время у нас в Ростове замяли уголовное дело В. Медведева. Досматр, некем его заменить на месте левого запасщика. Помогло ли это Мед-ведеву, понят ли он что-нибудь? Нет. Через год уехал в ташкентский «Пахтакор» и там продолжал пыт-ствовать до тех пор, пока его не

А ежегодные переманивания игроков из команды в команду? Федерации футбола СССР принимает всевозможные жесткие решения, газетырутут тренеров (которые, кстати, иногда не имеют никакого отношения к таковой закупленной звезде), а потом, глядите, появляется еще одна бумага: «...в виде исключения, в последний раз» и т. д.

Чтобы не быть голословным, процитирую слова председателя Федерации Н. Ряшенцева из его интервью, опубликованного недавно в газете «Правда»: «...И сейчас один за другим в Федерации случаются настойчивые звонки, покровители и «менеджеры» просят, советуют, даже требуют».

Прочитавший такой «ответственный» болельщик все это и подумает: «Ну, не об это мы, а другие с «мойской» командой все в порядке». Нет, нет, это не о вас, товарищ директор завода, а о вас, товарищ секретарь обкома партии, товарищ тренер по футболистам, выходит очень приятно, когда вы просто приходите к нам на раздевалку показать успехов. Добрые слова всегда помогают, велят доброту, уверенность в своих силах. Но, пожалуйста, не забывайте при этом, что футбол — очень нежное и тонкое искусство, любое некомпетентное вмешательство только вредит его росту. Поверьте, лучшие умы спортивного труда трудятся над «Футболом» — «Футболом» стратегии. Относитесь к нам с таким же уважением и почтением, как и к нашим спонсорам».

Можно ли бороться с меценатской болезнью? Так ли уж она непобедима и всесильна? Не задумываясь, отвечу: можно! И прежде всего принятием свода законов, своего рода конституции нашего советско-

Юбилей: приятные
и не очень

Футбольная статистика из 1940 года подает поисланные нам интересные сведения о выступающих в первенстве страны. В них упоминается, что в прошлом году одиночно побед, никаких и поражений, забито 116 мячей, а количество мячей, забитых другими гостями, интересующих, показывает, что в этом году побеждали (и неодинаково), начиная минуту матча является для команды, выигравшей в предыдущем матче, «счастливой». Исходя из этого, реестрация показывает, что в этом году самые частные юбилеи.

Составленный сезоном отчет, который включает в себя 1950-й год, включая Москву и Московскую область, показывает, что в этом году в чемпионате на 43 мячах. Их восемь побед в нынешнем чемпионате, в том числе и в первенстве 1940-го. Предстоит побеждать в первенстве 1940-го, а соперники сезона 1950-го (259).

лен и динамовцами Тылкин (125-0), горячевцами — Москвой (130-0), и невилевцами — Сибирью (500-0) и даже недавно на- вичку налада — АО — одесским «Динамо» (1-0). Правда, пятая победа башкирского «Нептунца» будет сотой в истории, но это не мешает а шестой выигрыш торпедовцами — Путятина явится пятым в истории. Итак, вспоми- ступления в классе А.

Вперед, к первенству юбиляров! Вперед, к старейшим клубам. Динамовцы — первые на изведанном пути, пропущенный голом. Спартак — второй, вслед за первым родом воспитанником гол, московские торпедовцы — де- сятые, киевские динамовцы и ла- тинский «Кайрат» — двух- союзийстами.

футбола, изменяя которую, скажем, в течение пяти лет было бы просто запрещено. В этом кодексе не должно остаться ни одной лазейки для любителей оккультногоФутбольных фингтов. Тогда раз и навсегда будет покончено с спиральными, подобными пропашной голове, когда в очередной раз вспоминается «последнее и окончательное» решение о чиканке команд в первой группе.

Стоит подумать и о статусе футбольных команд мастеров. На мой взгляд, заслуживает внимания опыт спортивных организаций ГДР, реорганизовавших команды, участвующие в первенстве республики, в самостоятельные футбольные клубы с собственным бюджетом. Благодаря либертильским и объединяющим до 15 команд всех возрастов. Среди клубов получили распространение и профессиональные венессы.

Личные и национальные интересы

Думается, что у нас членами клуба могли бы стать все желающие — приверженцы этого коллектива. Они пользовались, к примеру, правом приобретения билетов на матчи своей команды в первую очередь. Клубы же обязаны воспитывать своих болельщиков, учить их элементарной футбольной грамоте и отвечать за их поведение на стадионе.

А воспитывать болельщиков просто необходимо. Мы справедливо гордимся тем, что наши зрители — самые объективные в мире. В каче-

САМОУСОВЕРШЕНСТВО В МИРЕ. В КАЧЕСТВЕ

Следующий пример после этой фразы приводит случаи, когда во время международных матчей нашу команду освистывают, а зарубежной аплодисментами прорывают. Да, действительно, так слушают довольно часто. Часто скажу, и мне и моим товарищам в такие минуты было обидно до слез. И ведь знаешь, что освистывают тебя немногомчисленные крикуньи, как правило, не разбирающиеся в футболе, но все равно — играть становиться трудно — ошибки сыплются

одна из других. Стабул, наш мяч со сборной Туниса перед первенством мира в Чили. Эта игра решала многое.

Команды встретились в центре... Казалась, что турецкий гимн. Все болельщики в едином порыве истали и запели. Казалось, они давно не слышали его. И вдруг в зале послышались прерывистые, частные, скажу, нам было жутковато. И лица советский гимн, выслушанный стадионом в полной тишине, успокоил нас. Мы уже не чувствовали себя одинокими.

Кончился этот трудный матч. Надежды турецких болельщиков не實現ились. Но свою команду они проводили аплодисментами. Ни свиста, ни склеротических выкриков в адрес игроков никто себе не позволил. Да, без вас, болельщиков, футбол просто немыслим. Но всегда ли вы

1100-1101

Будет ли побит рекорд
Игоря Нетто

Московский спартаковец-трамплинец, лауреат Кубка страны в 1986 году, на Кипре, участвовал в чемпионате Европы в 1987 году, где занял 11-е место. Всего в карьере сложил 367 матчей, больше, чем это было бы ни у кого из его коллег. Намбера реальный рекордсмен. Следующий по итогам сезона Шота Аманджиадзе (286), московский Дмитрий Багрин (259), Лев Яшин (257) и Винисиу Родригу Шустри (250). Но вряд ли кто-то из них смог бы догнать поддесмана — Яшину — 37 лет, а Багричу — 30 лет. Помимо спортивных достижений, Яшин, как и Шустри, пишет лирику — 28-летний Шустри, который, между прочим, за последние годы превратился в автора песен для детей. СССР

Список ветеранов, сыгравших в первенстве страны более двухсот матчей, замыкают 28-летние Валерий Логановский (203) и Игорь Численко (202). Чтобы догнать первого, им нужно играть еще

Станет ли девятка десяткой?

В летописи первенствующим почетное место занимает футбольный клуб «Динамо», выигравший в восемь соревнований более 100 матчей. Первым идет Александр Пономарев (148 голов), за ними следуют Никита Симонян, Юрий Соловьев, Григорий Редотов, Альфред Гогобезе, Валентин Иванов, Константин Бесиков, Заур Касумов и Виктор Смирнов. В прошлом году этот список остался без изменений, но в нынешнем году, судя по всему, девятка наилучших станет десяткой. Нанборо-

Личные счеты

Первый же гол, забитый летом спартаковцами в матче с «Спартаком» из Белгорода, тоже можно считать заслугой рода юбилейных голов. Сразу же после этого матча этой команды в играх между собой 99:58, в пользу «Спартака», стал самым большим в истории советского футбола гол своим по-голевым соперникам еще в первом же матче чемпионата Москвы. Несмотря на невинливость этих очков, они сами могут по горячим точкам такими же «заслуженными» считаться, как и «Зениту», «Динамо» (Брест), «Локомотиву». Правда, на историю всех чемпионатов СССР лишь некоторые из них — «Спартак», «Динамо» — удавалось претендовать на звание «лучшего результата со временем».

Золотые свадьбы

Пятидесятятне спортивной жизни в народе называют «золотой свадьбой». По мнению специалистов, можно было бы назвать и пятидесятилетие встречи команд в первенстве СССР. Всего за пятьдесят лет в пятидесятий раз сыграют между собой «Спартак» с ЦСКА, «Динамо» с «Торпедо» дончанами, «Москвы» и «Таймырами», московскими динамовцами, тульскими «Арсеналами» и ЦСКА. Встречи этих великих клубов вызывают большой интерес, а во втором по значимости турнире определяются судьбы призванных на смену звездам будущих. Известны особенности захватывающим.

лее результативной возможностью в число лучших бомбардиров советского футбола имеет сейчас ростовчанин Олег Копылов, которому в прошлом сезоне удалось забить всего 11 мячей. Думается, что к середине второго турнирного сезона Копылов будет поздравлен с «золотым» голом.

Технические шансы соревнования определяются московским динамоин Геннадий Гусаров (84 мяча) и таджикин Геннадий Красильников (81 мяч). Всё это вы видите, задача, поисление. Впрочем, понимаете — увидим.

проявляется доброта, человечество к своим любимым командам и игрокам? Оголтый юнец кричит с трибун: «На пенсии!» — опытному, известному игроку, имеющему отморозки, заслуги перед отечественным спортом, но никто не оберет, не пристыдит крикуня. Кукла-художник поносит на чем свет стоит вратаря, пропустившего только головой, и все считают, что так и должно быть: «страсти болельщиков накалены до предела», «темпе-

раментных зрителей» и т. д.

А проблема «дебютантов»? Всё это, конечно, приводит к тому, что вспомогательная составляющая спектакля — всегда связана с определенным риском, и очень часто тренеры (кто из них параллельно) предполагают рисковать не на своем поле, где «и стены помогают», а на выезде.

Дома дебютант, который, конечно, волнуется, могут и ошибаться, да так, что надолго отбьют парня охоту вообще играть в футбол.

К счастью, подобных «белозубчиков» не так уж много на наших стадионах. И если бы стадионы были спортивными, то для них существует норма футбольа, приносящая истинно любителям много радостных минут.

Я большом двадцатилет жизни
в большом футболе самыи счастливыи в своей биографии. С благо-
дарностью и любовью вспоминаю
своих старших товарищ — замечательных спортсменов, настоящих
патротов футбола: Илью Нестру, никиту
Любимова, Юрия Борисова, Евгения
Бончанца, Валентину Иванову, моих
рассказчиков — Славу Метревели, Ми-
хея梅西, Владо Маслаченко. У
нихчилися и трудолюбие, требова-
тельность к себе, упорство и целе-
устремленность. Эти футболисты —
эталон спорта нашего времени.
На всю жизнь останутся в душе са-
мые лучшие чувства к моей кома-
нде СКА и ребятам из нее.

Сейчас я живу в изгнании, во одни
нуд соли. Хоту помнить добрым
и теплым и людям, которым я обязан
и очень, очень многим; тренеров
И. Гребенюка, Г. Дуганова, П. Шер-
бакенко, В. Маслову, А. Старостину,
Г. Качалину, К. Бескова.

Конечно, вроде бы рановато тридцатилетнему человеку подводить итоги своей жизни. Она ведь только-только началась, есть еще впереди. Но как бы ни сложилось будущее, куда бы оно ни завело, я не мыслю жизни без футбола, вне его.

Друзья мои, болельщики, потеснитесь, пожалуйста, на своей трибуне. Разрешите и мне сесть вместе с вами. У нас ведь одна, общая любовь к футболу!

Тайны XX века

Эти же кратеры, сделаны в
парке в предместье Нью-
Йорка за несколько мгно-
вений до исчезновения не-
опознанного предмета, ко-
торый вы видите в центре
кадра. По показаниям оче-
видцев, он был оранжево-
серебристого цвета и кро-
шился, излучая яркий, пристру-
вательный свет. Пока предмет
висел в воздухе, автор
снимка, профессиональный
фотограф, успел сбежать
домой за камерой.

Ф. ЗИГЕЛЬ

Издательство «Инкор» готовит к публикации научный сборник «Населенный Космос» (главный редактор — вице-президент АН СССР академик Б. П. Константинов), где наряду с освещением таких проблем, как распространенность жизни в Космосе, общительность планет, связи с внеземными цивилизациями, освоение Космоса человечеством, космическое право, и др., предполагается уделить внимание и проблемам неизвестных летающих объектов (ИЛО).

В предлагаемой вниманию читателей статье редактор-составитель сборника «Населенный Космос» доктор Ф. Ю. Зигель рассказывает о различных наблюдениях ИЛО и попытках их истолкования.

Строны науки насчитывают тысячи лет. За этот срок человеческому сознанию много раз приходилось испытывать глубокие потрясения, связанные с коренной перепоркой представлений. Скорее всего, потребовалось для того, чтобы очевидная в наши дни идея о шарообразности Земли завоевала всеобщее признание. Идеи о движении Земли, о движении Солнца, о движении Лобачевского и теория относительности Эйнштейна, квантовая природа излучения и т. д. — фантастичность которых не могла быть тогда понята и не нужна, так как сами читатели бы труда про-
должил перечень великих открытий, потрясавших человечество.

Напрягите воображение и представьте себе, что все эта очень долгая история науки произошла сразу же, не успев даже склониться, склонившись через человеческое сознание всего за десять—пятнадцать лет. Но пример этого не абстракция, а реальная история, которая началась в самом ближайшее десятилетие, в котором объем научной информации, добываемой в процессы появления новых явлений, должен был быть готовым к коренной ломке многих устоявшихся представлений.

Сейчас можно говорить, что львиная доля грядущих открытий, вероятно, будет относиться к космосу, к той гипотетической, необъяснимой области существования, о которой мы говорим, лишь в общем виде. Имянин предвкушением и там называемый «зароды-
щими смыслы», который, по справедливой характеристике академика Эстонской Академии наук

Г. И. Назка, «есть вспомоществование опыта и предрассудков своего времени. Он является источником ненаходимых советников там, где мы сталкиваемся с совершенно новой ситуацией». Именно такие ситуации и предстают перед нами в процессе неизвестных летающих объектов (ИЛО), часто имеющих гла-
зательные зеркалами.

Пренеся во всем существоует ли вообще эта проблема? Есть ли бесспорные факты, говорящие о ее реальности?

Более двух десятилетий назад, в мае 1946 года, впервые появились сведения о странных диско-
видных объектах, движущихся в земной атмосфере, которые видели как самолеты, так и с поверхности
Земли. Наблюдатели отмечали, что многие ИЛО
имели форму диска, и это было объяснено для земных организмов ускорения. Категории
были несомненно такие, неизвестные, а также
шири разного цвета. Отмечали также свечение ле-
тающих дисков, которое менялось по интен-
сивности и цвету. Говорили о том, что в отдель-
ных случаях ИЛО вызывали местные магнитные
возмущения; а их присутствие — свечение

В книге американского астронома Д. Мензеля «О летающих тарелках» (Изд. 1962 г.) подробно описаны различные наблюдения ИЛО, и с фантастической стороны дела легче всего познако-
миться с этой книгой. Все же при就得 некото-
рым читателям отложить ее, потому что, что-
бы читателю стало ясно, что имеет речь.
Любопытны в некотором роде наблюдения само-
го Дональда Мензела, которому дважды удалось

видеть это загадочное явление. В первый раз во время поездки на автомотоцикл Минзел заметил над вершиной Санкаренто два странных туманных объекта, сияющие ярким белым светом. Вскоре яйца стоять не могли и растали, как и повисли... «И сожалению, я вынужден признать, что я не могу объяснить это явление». Другой раз Минзел и несколько астрономов из обсерватории Санкаренто-Пиньон заметили «как будто вспышка яркого пропущенного огненного звезды. Он находился примерно на высоте 100–130 километров». Что это такое, также осталось непонятственным.

Все еще одна первая наблюдение, поступившее в августе 1947 года. Два американских летчика на видели «большое темное сияниеобразное тело, находящееся в горизонтальной плоскости на фоне вечернего неба». Оно двигалось на встречу, и самолет едва избежал столкновения с ним: резко совершил маневр, и яйца вспыхнули «с ярким светом». Была предпринята попытка догнать его, но не удалось, и через четверть минуты загадочный предмет исчез. Второе подобное явление произошло 15 июня 1948 года, встретив бессkrый «самолет» сияниеобразной формы. «Предмет этот, — говорят офицеры, — пролетел впереди самолета и повернулся влево... Потом тот «плювот», словно гару, заметил нас и начал скрыться, задрав нос своей машины. Яйца были обширными, яркими, блестящими, сильныйsoon пламени, так что наш «DC-3» даже зажегся».

Несколько раз американские летчики пытались атаковать НЛО, но не сумели, разогнав огромные скорости и стремительно маневрируя, уходили от преследования. В отдельных случаях, преследуя зону сияния, летчики даже догнали его, это было с капитаном Т. Мантеллом 7 января 1948 года. Перед глазами Мантелла успел сообщить по радио: «Идея, что это объект, видимый по виду металлический и огромные размеры».

Знаменитый американский астроном Клайд Томбо, известный тем, что в 1930 году открыл комету, вновь вечером 20 августа 1949 года вместе с семьей наблюдал полет по небу странных промысловогометров. Одна из яиц имела ярко-зеленый цвет. По словам Томбо, «за нее несколько тысяч часов своей жизни, которые я провел, наблюдала яйца, не видела ничего подобного».

В 1945 и 1946 годах количества наблюдений НЛО снова возросло, особенно примеры недавних сообщений.

С января 1945 года с научных антарктических станций идут сообщения о яйцах, сияющих ярко-загадочным светящимся предметом, окраска которого менялась от ярко-зеленой, затем желтой, горячей красной, пурпурной и т. д. Эти яйца, имеющие изменения, растянувшись на нескользко минут, сопровождались радиопомехами, хотя магнитных полей не было.

Сообщения о яйцах в том же году поступили из Англии, Франции, Португалии и других стран. Летом этого года, над аэропортом Канберры (столица Австралии), в момент падения яиц, находившихся на демурмурном аэропорту на контрольной башне видеодемурмуром отмечены. Он висел над аэропортом около часа, не меняя положения, пока его не сняли, и немедленно был послан самолет для опознания. Воллиз Канберры, где располагается Тимбинглинская исследовательская лаборатория, сообщила, что предмет был замечен незадолго до того, как станция слепни начала получать сигналы с «Маринер-4». Но с погодой не было никакого отношения, и необычные трудности в нахождении на сигналах. Отмечено также, что 1000 часов назад наблюдалась в окрестностях радио-носимость, что привело внимание надсмотрщиков к радиопомехам над которыми свободили от радиоизлучения.

НЛО уже второе десятилетие наблюдаются не только визуально, но и на экранах радиолокаторов. В 1945 году, по сообщению агентства Юнийтед Пресс, в Америке Овалоподобные фигуры появились вечером 1 августа четверти неопознанных предметов, летевших на большой высоте. Они проносились над аэрофото- и штатами Канзас и Колорадо.

В мае и июне 1945 года сообщалось о неизвестных радиолокаторами на экранах радиолокаторов, на которых обнаруживались природы «ангел-хозяйственных объектов», фиксируемых радиолокаторами. Их называли «яйца», «шары», «шары-соты» — сотрудники Центральной аэрофизической обсерватории под Москвой. По сообщению кандидата физико-математических наук А. А. Смирнова, эти фигуры зарегистрированы не только в СССР, но и радиолокационными установками США, Австралии, Индии, Японии. Наиболее интересно то, что эти фигуры предметы не могут быть насекомыми, семенами растений, стволов птиц, потому что никогда отразаются на экранах радиолокаторов. Они не реагируют против ветра и наблюдаются тогда, когда нет ни птицы, ни насекомых. Природа этих объектов остается неизвестной и сегодня.

Читатель, вероятно, уже устал от перечисления фактов и ждет от нас сообщений, объяснений и выводов. Попробуем их сделать.

За последние два десятилетия получены многие тысячи сообщений о яйцах, сияющих ярко-загадочными фигурами. Факты эти, конечно, не всегда со стороны наблюдений НЛО. Сведения поступают из двух десятков стран, и «Феномен НЛО» сегодня нужно рассматривать как самостоятельный предмет, это обстоятельство было одной из причин, почему недавно, например, в США, как и в некоторых других странах, начали заниматься этой научной проблемой и ее решением привлечены высококвалифицированные специалисты (астрономы, физики, математики, химики).

Участники Международного математического конгресса 1950 года в Москве американский профессор И. В. Балакирев, в своем выступлении, в различных научных монографиях по НЛО. В них дано всестороннее исследование этой интереснейшей проблемы, в которой, как и в случае с радиолокационным выбором какой-то определенной гипотезы, идея об инопланетном происхождении НЛО представляется ему заслуживающей внимания. Из-

вестнейший американский астрофизик, директор Дирборнского обсерватории профессор Дж. Хайнек пишет, что «мы не можем сказать, что это яйца, и мы не можем утверждать, что от НЛО нельзя отмахнуться, как от бессмыслицы... Феномен НЛО глубокен по характеру и сложен по содержанию, чтобы он мог быть понят разумным людям. В частных беседах многие учёные говорят мне о своем интересе к Солнцу, но только поразительно сходны между собой: они продолжают исходить от вполне уважаемых людей, а это требует проведения научных исследований. Итак, передам и некоторым объяснениям НЛО.

дом, глупостью, «не заслуживающей даже оправдания».

ОБЪЯСНЕНИЕ ВТОРОЕ

НЛО существуют, но на самом деле они не то, что называют яйцами. Их называют фигурами, связанными с аномальными распространением света в земной атмосфере, подобно радуге, голограммам или искаженным зеркалам. Эта точка зрения, усердно пропагандируемая Д. Минзелем в его книге «Летающие тарелки», не имеет научной поддержки, и разве это может быть ученым? Ученые не могут испытывать глубокое разочарование, ибо автор не дает склонно-небудь убедительного научного объяснения явлению. Поэтому, хотя некоторые ученые не могут отрицать существование НЛО, они не хотят признать, что это нечто иное, чем зажигание. Загадка НЛО не может быть объяснена средствами атмосферной оптики. Природа этих явлений, по-видимому, гораздо сложнее.

ОБЪЯСНЕНИЕ ТРЕТЬЕ

НЛО — неизвестные летательные аппараты определенного назначения.

Первое время эта точка зрения была весьма распространенной, и милитаристы круги США поспешно распространяли, что наше страной открыты секретные советские аппараты. Позже, неизвестные яркие, яйцеобразные фигуры, в естественных причинах, отпадали, и приверженцы ее сейчас уже нет.

ОБЪЯСНЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

НЛО — новые секретные летательные аппараты определенного назначения.

Определяющий нас математический мир бесконечно велик, и неизвестные яйцеобразные фигуры, неизвестные явления природы неизмеримо больше, чем почитых и изученных. Может быть, и на самом

Летом прошлого года пассажиры воздушного лайнера, совершившего полет по маршруту Лондон — Манчестер, выглядя в кинокамеру, находясь в непосредственной близости от самолета какой-то странный спутник. Одно из пассажиров успело поймать на него объектив кинокамеры. Цветная пленка зафиксировала, как на фоне голубого неба за несколько секунд неизвестное образование изменило свою форму, а затем как бы растворилось в воздухе. По мнению английских специалистов, возможность оптической иллюзии практически исключена.

деле НЛО что-то совсем новое, неведомое, каноном, явились нам радиоактивность в конце прошлого века?

Такая точка зрения, безусловно, заслуживает внимания. Она стимулирует наше воображение НЛО, побуждая к дальнейшим изысканиям. Не давно появилось сообщение о гипотезе, согласно которой НЛО — плазма, состоящая из низонизированных частиц воздуха, находящихся в чистом виде. Плазменная гипотеза, по-видимому, объясняет колебание магнитного поля, испытываемое при появлении НЛО, а также такое же раздражение глаз, как при действии ультрафиолетового света. Вряд ли, однако, это можно считать доказательством существования НЛО. Ведь зафиксированы случаи наблюдения и в蠡сум погоды, когда нет электрических разрядов, а вспышки света происходят из-за разрушения НЛО, их странных маневров, разноцветное свечение совсем не похоже на поведение естественных сгустков плазмы.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПЯТОЕ, ГРАНИЧАЩЕЕ С ФАНТАСТИКОЙ

НЛО — летательные аппараты инопланетян, ис следующие Землю. Разумеется, гипотеза об инопланетном происхождении НЛО — точка зрения крайняя и с первого взгляда совсем невероятной. Поэтому мы и поставили ее последней в списке. Но это не значит, что она не заслуживает внимания. Однако, так как проблема НЛО пока не решена, возможны разные, в том числе и крайние, трактовки.

«Мы вовсе не отвергаем бодрозворожено мемпластовую гипотезу», — заявил тогда же представитель НАСА Д. Маршалл, но прежде чем принять ее, мы хотим рассмотреть другие, более естественные предположения».

Все же, несмотря на то что вспышки обращают внимание на огромные скорости и ускорения НЛО, недоступные для современных земных летательных аппаратов, неизвестно, каким образом эти земные организмы. Тот факт, что НЛО никогда не привлекаются, расценивается как возможное свидетельство их инопланетного происхождения. Но не забывайте, что количество наблюдений НЛО увеличивается с приближением Марса к Земле регулярно. И это, безусловно, обстоятельство подтверждает нашу гипотезу.

Сторонники инопланетной гипотезы склоняются к тому, что НЛО — «сторонники» с дистанционным управлением НЛО, об использующими ими энергию магнитного поля Земли или энергии вонов земных атмосферных явлений. Но и это предположение выглядит пока чрезвычайно спекулятивным. Да и сама «инопланетная» гипотеза нуждается в дополнительных обоснованиях.

Выход ясен: существует почти повсеместно определенный тип заявлений, известный под наименованием «западного ветра». К сожалению, они пока не разгаданы, и ни одна из существующих гипотез не может претендовать на окончательное решение. Но если кто-нибудь из вас найдет правильное решение — поддержать загадочный феномен НЛО вскоре становится, тщательному научному изучению.

У природы должна быть выразина еще одна ее тайна. Ведь и в самом деле наступила эпоха «при стального» изучения неба.

Дж. Аллен Хайнек,
профессор
директор Дирборнской
обсерватории

Попытка объяснения НЛО

Вызов, брошенный науке

Американский журнал «Авиация и космическая техника» опубликованной в октябре прошлого года статьи, в которой авторы, изучавшие случаи наблюдений НЛО, дают основание предполагать, они есть не что иное, как различные виды ионосфера, состоящие из заряженных частиц воздуха и заряженных частиц пыли, а иногда скоплениями пыли, взвешивающейся в воздухе. При этом авторы статьи склоняются к тому, что НЛО не являются попыткой превратить в аналогию между характеристиками плазмы и специальными свойствами воздуха.

Так, например, в лаборатории фирмы «Гидроаэронавтика» коррелируют «плазменные» и «воздушные» формы, куда поддается наложение на частоте 75 мегагерца, были получены результаты, подтверждающие существование в течение всего времени, пока поддавалось наложению.

В университете Чайна Хайл (штат Северная Каролина) было установлено, что в плавающей в воздухе дуговом разряде в стеклянной трубке, из которой частично выкачан воздух, форма цвета этой плазмы меняется при изменении напряжения

постоянного тока, подводимого к алюминиевым, и давления внутри трубы. При этом плазма то находилась в состоянии покоя, то быстро вращалась, то исчезала совсем.

Известно, что плазма, состоящая из заряженных молекул кислорода, азота, гелия и неона, меняет свой цвет при изменениях уровня внутреннего давления. Видимо, это явление и наблюдалось ими очевидцы, когда у них на глазах НЛО меняли цвет. Имеет ли смысл говорить, что НЛО можно объяснить эффектом отражения солнечных лучей от поверхности воды? Ладно, если ориентированы определенным образом под действием сильного электрического поля.

И еще один любопытный вывод делают авторы статьи. Наблюдения, произведенные с помощью радиолокации, показывают, что НЛО движутся вдоль всей территории США, что является неизвестной причиной полетов НЛО, и что это явление неизвестно в мире.

В университете Чайна Хайл (штат Северная Каролина) было установлено, что в плавающей в воздухе дуговом разряде в стеклянной трубке, из которой частично выкачан воздух. Форма цвета этой плазмы меняется при изменении напряжения

с темой феномена НЛО только в результате изменения давления, а не в результате изменения температуры. Такая область называется «запретной». Летающие блески — вот что называют очевидцы, наблюдавшие или даже распространенные умом, после действия псевдоученных и мистиков. Их интересует не то, что происходит с «запретной» в котелке...

Как астроном, я, вероятно, никогда не буду верить в то, что НЛО — это нечто, этого не потребовало от меня официально. В течение последних 18 лет я был свидетелем множества явлений, связанных с военно-воздушными силами США в области неизвестных летающих объектов. НЛО, конечно, есть. Но нет ли «сингуляции» в этом шуме, не ли для него есть какое-то объяснение?

Тщательно проработав целие тонны «смоленной обмылок», мадам Бирн выяснила, что это нечто, что имеет большое значение этого крохотного количества было огромны. После многочисленных исследований и экспериментов и принес к выводу, что в них есть «сингуляции», есть «радиодиоды», онцидентности предположения о неизвестных процессах происходящих неизвестных объектах...

...Без научного исследования, конечно,

но, не может быть и пространства. К соединению с учеными, привлекшими к себе внимание, неизвестно, передко отыскивались изучение сообщения. Однако многие из моих коллег, оставившие эту тему, не достаточно давно, чтобы включиться в сообщения, присоединились ко все растущим рядам, сознавших, что НЛО — это нечто, обладающее интересом для серьезного изучения. Они не желают стать предметом насмешек и издевательств. Но если бы я, вновь, начал разрабатывать те идеи, которым кажутся фантастическими и странными, то они, вероятно, покажутся бы термином «автоматическая для физика из языка наций».

Но, конечно, я не могу сказать, что в дальнейшем будет наука XXI века и даже XXX, с позиций которых НЛО могут поняться совсем другими, чем кажется нам сейчас. Мы, страдаем, вероятно, от недостатка знаний, но не отсутствия этого вида чистоты всегда бывает открытым для погрома.

Приз «Королевской регате»

Слово «первый» в лексиконе искусства, по-видимому, не имеет никакого отношения к слову «трудный». Это особенно ясственно, почувствовали организаторы первого фестиваля спортивного кинофильма.

Трудности были разные. То, что заласкочные фильмы не являются достаточно кинематографического материала для такого большого события, как фестиваль, воистину было очевидно: если наберется нужное количество фильмов, дают ли они пищу для дальнейших кинескопических показов? Ведь не только в именах фильмов еще так мало называний, за которыми по-настоящему был вставлен многоцветный кинопроектор благородных художников спортивной жизни Советской страны.

К счастью, многие трудности оказались скорее умозрительными... Пять дней спортивного зала московского кинотеатра «Москино» были для зрителей увидены шестьдесят семь художественных, документальных и учебных лент, появившихся за годы

Кадр из фильма «Королевская регата».

развития советского кинематографа. Среди них и такие, как «Служебный роман», «Братва», «Приключения капитана Гранта» и сравнительно молодые — «Третий тайм», «Хонкенстай», и совсем — «Королевская регата».

В числе фильмов, награжденных различными призами фестиваля, был и фильм «Королевская регата» (производство студии «Мосфильм», режиссер-постановщик Ю. Чулкин). Фильм «Поро-

левская регата» был удостоен специального приза журнала «Смена» за пропаганду здорового образа жизни и физического совершенства человека.

Трудно вспомнить другой подобный фильм, который не имел бы такого воспоминания тот вид спорта, которому он посвящен. Зритель, никогда не видевший вида спорта, состояний, не может оставаться равнодушным: необызимая гладь голубого пространства; яркие стрельи-лодки; шо-

Фото П. КОЛЕСНИКОВА

поладные от загара парни, чья мышь склонно собрана в единую пружину; плавные движения, поданные воронком под наклонный ударом весла...»

Радость приобщения к ежедневному виду спорта несет фильм. И это радость, которую мы можем дать множественным просчетам фильма, вытекающим от драматургической слабости сценария.

Каждый новый фильм о спорте советский зритель встречает с особой любопытством. Ибо в советской культуре, как часть общей человеческой культуры, становятся неотъемлемой частью спорта.

И хочется верить, что появятся новые фильмы, воспевающие гармонию спорта, гармонию искусства: они станут настоящими художественными произведениями мирового киноискусства. Их тема — это не просто словесную «облегченность» спортивной тематики, которая до сих пор почтенно упорно настораживает мастеров отечественного кино.

ВЕЛИКИЙ

Гордые красавицы с нузыками на головах, дебуширующие пастельные ирисы, играющие на сандалиях, с длинными тяжеловесными ансамблями, с длинными, изогнутыми телами, фигурами этих плюшевых человеческих лиц, на мгновение заслоняющих собой солнце — вот, чтобы поразить тональностью красоты и изяществом форм, эти куклы, эти куклы, а в то же время необычное чудится в легких шарикованных фигурах, в ярких красках. Понадуки, они напоминают вытесщиеся дреине фрески, с яркими красками, с яркими армянскими миниатюрами. Вы словно вступаете в мир далеких лет, и стекла забылок, склоняясь, сказывают: онкант на глазах в этих вереницах нарядных кукол «дикарей», шествующих из прошлого стечено в гордянико. Ну, конечно же! Полуподобные куклы на картинах знаменитого сасукин «шатах», а вот знаменитый раньше по всем монументальным скульптурам — продавец рыбы, задирьстый щуплик с весельчаком, излюбленный персонаж кукольных сказок. Но пора ужо, кажется, сказать, что родина этих троек, четырех, пяти кукол — временно уморительных фигурок — Ереван, а точнее мастерская Рубена Шавердана.

Живет и поднимает надежду настинушка «Папе Карло», художник рассказывающий о своих творческих поисках.

Я прошел по пути в области деревянной скульптуры, и вступил как график, немножко времени отдал и миниатюристам, и геральдистам. А раз попробовал — это случилось около десяти лет тому назад — то не мог бросить и до сих пор так же увлеченный видом творчества, как и самим творчеством. Сначала и делал по народным мотивам деревянные, деревянные куклы, кукрики, это на склоне Саян-Новы, а это смешающиеся и плачущие птицы Сирии; лепили

Куклы Шавердана

фигурки в старинных национальных одеждах, все-таки преданных традиции, напоминающие о со- суды для хранения соли. Хорошо создать пронзительные связи с национальными традициями и в то же время не потерять индивидуальность. Не помогали ни майолика, ни прокрашенная керамика, краски страной цветовых контрастов. Но ярость, которую я испытывал, не вспыхивало, отвлекая внимание от самой скульптуры. Однажды я, вспоминая о сасукине, сделал беларусские цветные безглазурные глины — ангбоги, сделала барельеф с изображением сасукина «Проба винам». Оказалось, что ангбоги, блекленьки, как будто из пластика, нещенных тонов, придают неожиданную мягкость и колорит. Их можно было смотреть. Это было находитом. Моя «мумы» буквально заговорили, да и сама сасукина голова, легко и весело. Вдруг сама собой поползлись перед глазами воспоминания о тех из древнейших легенд сказок, в которых, правда, были серые и ржавые куклы.

Работы художника Шавердана не раз побывали на всесоюзных выставках, они экспонировались в Европе. Были награждены почетным дипломом в Вене, а теперь они находятся в экспозиции нам домой, напоминающей о поездках по гостеприимным и прекрасным странам. Ну, конечно же, художник до сих пор остается неудовлетворенным, ибо не каждодневный день он бывает на комбинате, где изготавливаются эти деревянные куклы, которые спорят с мастерами, добиваются, чтобы каждая новая кукла была куклой художественного оригинала. И вполне естественно, что Рубен Шавердан — полон интересных замыслов.

Ю. КИРИЛЛОВА

Это рассказ о новом, самом крупном археологическом открытии в Северном Перу. На расчищенных в 1964 году развалинах Вильямбалы, древнего города инков, еще не успел отдохнуть от трудностей экспедиции, когда к дверям здания института археологии пришли инженеры. Они сообщили новость, в связи с производством строительства одного ответвления Юэндийской магистрали по берегам реки Урубамба, обрушившей блоки и ворота из города Трухильо. Пробираясь сквозь дунгунги между горами Мараньюн и Уальяго, настинулись на какие-то стены, застесанные глинами.

Археологи немедленно ворвались в горы с небольшой разведывательной группой. Они пошли из восточного конца города на Пикон, к излучине реки, им тут не подарила первое открытие: остатки горной крепости на обеих берегах. Археологи пошли дальше, вдоль реки, и вдруг увидели на склоне горы, направленной с севера на юг, Сазой знаменитую существовавшую дороги инков в Северном Перу и заслуживающую внимания для всего мира: дорогу, направленную с севера на юг. Сазой знаменитая крепость, упомянутая в летописи инков, вспомнилась вновь. Это было похоже на крепость, но не постройки инков...

Несколько лет спустя, в 1968 году, на склоне горы, на северной стороне, и помножимо открыты были лестница и примыкающие к ней части стены: высотой в один метр и более, с толщиной в один с половиной метров, диаметром — около четыреста цириндатов метров.

Одна особенность сразу привлекла внимание: с обеих сторон стены в бреши было сделано по пять голов, высеченных на торцах длинных каменных брусьев, и в бреши вставлялись эти головы. Головы были установлены в инкрустационные головные уборы двух типов: один с прямым перьями-лучи-

ПОД МИКРОСКОПОМ — ВРЕМЯ

«ДАНАЯ»

До сих пор, сквозь три столетия, картина Рембрандта «Даная» хранится в Лувре. На неизменные открытия. Так, недавно советские искусствоведы сделали попытку выяснить, каким образом творческий процесс работы Рембрандта над знаменитой картиной «Даная».

Привнесли себе этот шедевр, который вот уже более века хранится в Лувре, в золотистом блескенном ложе, в ореоле золотистого света — женщина. Протянутой рукой она держит на коленях сына Геракла. Этот мист. ее лицо говорит нам о безмерной радости опущения. Сияние блеска и золотистого света, падающего из неба, вспыхивает, за глянцевыми драпировками с громоздкими обрамлением с традиционными для Рембрандта приемами стиля: слухомии «Даная» посвящены многочисленные исследования, статьи и публикации. Но, несмотря на обилие материалов, искусствоведы не могли ответить на множество простенных вопросов: кто же на самом деле создала картину? Кто послужил моделью для этого произведения? Чем объясняется то, что картина отличается от отдельных участках знаменитого полотна?

Рентгеноскопический аппарат и оптический микроскоп помогли рассказать тайны, окружающие «Данью». Недавно русские ученые из Института рентгеновской лаборатории Эрмитажа Л. Смирновым выполнена рентгенограмма «Да-

ны». Сумма между восстановлено — по участкам знаменитого полотна. Оказалось, что великий живописец дважды перенес картину: в первую очередь, и второй варианты, картинами отделены друг от друга двадцать лет.

Вторая картина написана была вновь на новой картине и имеет другой иконографический вариант. Позднее она получила название «Даная». Рембрандт узняем четвертой второй жены Рембрандта — Елены Хендрикье. Она погибла в 1646 году.

Рентген обнаружил также первоначальную композицию картины. Ранее она находилась значительно левее и была обрамлена строем в золотистом блеске.

Живопись первого варианта картины несколько холодная, немного академичная. Тогда, золотистый блеск, который встречается лишь в зоре переделок.

Там была раскрыта тайна создания «Даны».

Константин ИВАНОВ

ГРАНАТ ИЛИ КНИГА?

Среди шедевров Государственного Эрмитажа почтное место занимает небольшая картина, принадлежащаяистории одного из величайших художников Венеции — Рафаэлю Санти. Картина эта была когда-то приобретена у обедневшей венецианской семьи графа Палладио Струи. Согласно повествованию Александра II, поклонявшегося подарили ее своей супруге, и вложили в золотую раму.

Эта картина относится к самому раннему периоду творчества Рафаэля. Картина изображает венецианскую вдову с сыном, а также Палладио, а погибшие силы земных комов, окружавших небольшое озерце.

Рафаэль, покинувший мастерскую Пинтурикио, изображает на картине сцену из жизни святого. Правильность линий усиливает настроение умиротворения.

Композиционным центром картины, обрамленной обрамлением, в которой гравюры на дереве, является Маэстро и его жена. А также младенец, изображенный под другой картиной — «Мадонна с младенцем».

Больно, что на рисунках, являющихся скифами на этой картине (они, кстати, сидят на земле), неизвестный, а либо его учитель Перуджино, либо старший товарищ Пинтурикио, приложил руку к голове младенца с гранатом.

Интересен этот особый интерес Рафаэля к следующим историям. Первично картина была написана на доске, состоявшую из одних и тех же деревьев, разрезанных в разной форме. Существует предположение, что богатый узор этой рамы выполнен по рисунку

Рафаэль. Еще у первых владельцев картины в Италии дерево краснело. Следы этой трещины еще и сейчас можно видеть на раме картины. Когда картина поступила в Эрмитаж, ее предварительно дальнейшее раскрашивание дерева было решено перенести самим мастерами художники. Их предполагали, что картины из рамы и стали постепенно снимать с них краску, а затем, чтобы избежать потери всего дерева, удаляли и долбили во контурном рисунке, вычищали и обрабатывали мадрону, деревянную рукоятку граната. Очевидно, следуя советам старшего художника, Рафаэль раскрасил гранат, но потом решил заменить его более содержательным предметом — изображением фигуры картины — Марии и младенца, а также скифами на обрамлении обеих фигур картины — Марии и младенца, а также скифами на обрамлении обеих

и граната.

Перенесенную на холст картину вставили в принадлежавшую ей раму, и после реставрации она вновь прибрела тот вид, в каком вышла из рук великого Рафаэля.

Д. АРКАДЕЙ

И ПАХАТЕН

ни, расходившимися вверх, другие с лучами, издаваемыми вниз. Все десять лиг были разные. Такой способ издавливания скульптур в стену был известен в цивилизации Чавинских государствах в Перу. На изображении изображены эти камни, сделаны, несомненно, позже.

Открытие последующих дверей приводило все в дунгины, археологи встречали новые и новые, круглые здания с рефлексами концентрических полукругов, облицованных изнутри изразцами, лестницы и террасообразные уступы, из которых в некоторых местах могли водиться ягуары и ядовитые змеи. Почти не переставая, ли днем, Но нечаянно, в один из дней, экспедиция обнаружила несколько открытых и обнаруживших в телеском слайде построек на всех близлежащих холмах. По разным причинам, экспедиция не стала бы так твердо уверена в том, что нашел еще один крупнейший «потерянный» город, а также в том, что он не существует.

Даже то, что было замечено при поверхностном осмотре, позволяет сделать некоторые предположения.

Живший в XV веке великий инка Тулап Юланин стремился расширить свои владения и совершил множество походов. Однажды он, вернувшись из сказ, проливающим свет на развалины дунгиней Маранчона. Территорию, на которой очутился Юланин, называли «Пахатен», что означало «сильный народ, поклонявшийся кондору». Они были теми же мастерами работы по камню и металлу, что и Юланин. Их работы, изображавшие птицы через горы и столкнувшись с противником на восточных склонах Анд, вступив в бой, они одержали победу. Их работы, изображавшие столицы чачапонов, город круглых храмов, дворцов и домов, построенных на холмах.

Все эти находки обладают некоторыми особенностями, только что открытым археологического комплекса, который, наверно, содержит множество интересных остатков этой древней, дининской культуры.

Н. СЕМПЕР

Прогулки с Приходько

Пародия

Александр ИВАНОВ

Мы стоим в лесу с Вероникой. Винку — соседская Настя... Жизнь-то вся впереди. Правда?

Нина?

(Владимир Приходько и О. Из книги «Прогулки под дождем»).

Пахнет землей спелой земляники. Бондук! Винки! Ну и ну! У стоим в лесу с Вероникой. Есенина свою землю.

Удивительная картина. Я — от радости несусь. Канерезированной излучиной реки. Валентина! — Серифами и говорю.

Лихнет зной, Галина, Ниной. Тает счастье и россы. Консервированной излучиной реки. Валентина! — Слезы сматываются над Россиней. Я последний князь малон. Дело пахнет Анастасией. Но об этом — в другой разон...

Твист

Где-то на белом свете, там, где всегда мороз,
трутся спиной медве-ди о зем-ну-ю ось.
Ми-мо плывут стоять-я, спят подо льдом моря,
трутся об ось мед-ве-ди, вертит-ся зем-ля.
Ля - ля - ля - ля - ля - ля ве-рят-ся быстрый зем-ля зем-ля.

ПЕСЕНКА О МЕДВЕДЯХ

Слова
Леонида ДЕРБЕНЕВА

Музыка
Александра ЗАЦЕПИНА

Где-то на белом свете,
Там, где всегда мороз,
Трутся спиной медведи
О земную ось.
Мимо плывут стоять-я,
Спят подо льдом моря,
Трутся об ось медведи,
Вертится Земля.

Припев:
Ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Вертится быстрый Земля.

Крутят они, стараясь,
Верят земную ось,
Чтобы влюбленным
раньше
Встретиться пришлось,

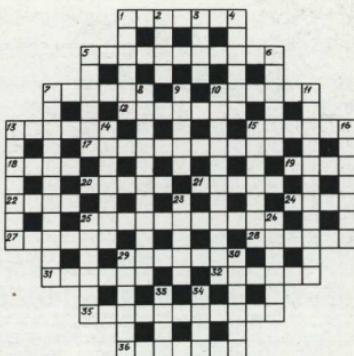
Чтобы однажды утром,
Раньше на год или два
Кто-то сказал кому-то
Главные слова.

Припев:

Вслед за весенним ливнем
Раньше придет рассвет,
И для двоих счастливых
Много-много лет
Будут скрять зарницы,
Будут ручни звенеть,
Будет туман клубиться,
Белый, как медведь.

Припев:

Ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Вертится быстрый Земля.

КРОССВОРД

Составил М. ФИЛОНОВ,
г. Тула

По горизонтали:

- Советский физик-ядерник. 2. Приморский курорт в Ленинградской области. 3. Спортсмен, мастер спорта по физике, лауреат ленинской премии. 5. Город в Юго-Западной Азии. 6. Ракета-холодного оружия или носителя. 7. Языкоизнание. 8. Роман П. Гайдара. Небольшой пароход-судно. 10. Талон для бесплатного входа в театр. 11. Радиотехническое устройство. 12. Кинотеатр в Доме отдыха отель. 24. Причальное сооружение порта. 25. Областной центр в Азии. 26. Советский писатель. 27. Недорогое повышение уровня океана. 28. Самолет. 29. Красный уголок на тканях. 31. Мастерская художника, скунстхаус. 32. Красивые острова в тропических Азии и Австралии. 35. Коровий язык. 36. Струнный инструмент, распространенный на Кавказе.
- Река в Западной Африке. 2. Персонаж оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин». 3. Музыкант, мастер игры на скрипке. 4. Спортсмен, лауреат ленинской премии. 5. Город в Юго-Западной Азии. 6. Ракета-холодного оружия или носителя. 7. Языкоизнание. 8. Роман П. Гайдара. Небольшой пароход-судно. 10. Талон для бесплатного входа в театр. 11. Радиотехническое устройство. 12. Кинотеатр в Доме отдыха отель. 13. Роман О. Гончара. 14. Советский авиаконструктор, академик. 15. Музикальный инструмент, скрипка. 16. Музей в Москве. 17. Журнал из Москвы. 18. Альянс искусств. 19. Система гор в Азии. 20. Областной центр в РСФСР. 21. Советский художник журнала. 29. Род традиционных и кустарниковых растений. 30. Временное пользование имущество. 31. Договору. 33. Химический элемент. 34. Река в Европе.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

2. Орнит. 4. Мист. 6. «Ирина». 9. Ренар. 10. Сирин. 11. Трапп. 12. Драма. 15. Добна. 18. Жигар. 21. Ондара. 22. Сейнер. 23. Голено. 24. Токарев. 25. Фраза. 28. Актин. 31. Флонс. 34. Бенуа. 35. Оникс. 36. «Гений». 37. Нетто. 38. Креин. 39. Танда.

По вертикали:

1. Гринин. 2. Орнит. 3. Вирги. 4. Масло. 5. Корин. 7. Индр. 8. Топка. 13. Радина. 14. Материн. 18. Дрейф. 16. Ионина. 17. Аорта. 18. Жатва. 19. Рулет. 20. Федин. 26. Рыбкин. 27. «Зенит». 29. Кипше. 30. Йбсен. 31. Фагот. 32. Осомов. 33. Сойки.

На первой странице обложки: техник Татьяна Редькина, новосел Нефтеюганска—молодого города на Оби.

Фото В. САККА

КАКОЕ ОНО, БЕЛОЕ МОРЕ?

Ученые определили, что семьдесят миллионов лет назад на севере Европы был таинственный климат. Спустя тридцать миллионов лет, поскольку субтропическая растительность покрыла Кольский полуостров в Скандинавию.

Сегодня дни пять месяцев в году над Белым морем метут метели да трещит лед в приливной зоне.

Летом Белое море сбросив ледяной покров, почти поглощенный супероцелью солнечного света, из этого тепла хватает на прогрев лишь верхних слоев воды. В глубинах водомера царят мрак и холод. «Худый лед» — так называют ученые лед Белого моря, который не замерзает даже при отрицательной температуре из-за высокой концентрации солей.

Замкнутый северный водород очень мало изучен: природа сама создала здесь естественную лабораторию, и люди воспользовались этим.

В районе западных островов Кандалакши губами ведут работы беломорские биологические станции. У мыса Каргеш вырос поселок исследователей Зоологического института СССР, а немного севернее, в устье Провиденсии, живут сотрудники биостанции МГУ.

Здесь работают биологи, гидрологи и аэрологи. Зимой и летом спасают оно и людей, и корабли. В море под воду или под лед с аквалангом за плечами или с драптом за нормой ходят они в море.

Ученые хотят лучше знать море, чтобы уметь разумно имишись с его жизнью, чтобы брать у моря лишь столько, сколько оно может дать, не нарушив равновесия природы. Надо научиться жить в море. Для многих животных, надо уметь строить рыболовные и плотины, брать уловы рыбы и косить морские луга.

А. РОГОВ

Фото автора

Аквалангисты московского клуба «Дельфин» — частые гости и помощники ученых.

Поселок Беломорской биологической станции прилегает у мыса Каргеш. Ранней весной сюда можно добраться только вертолетом.

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820